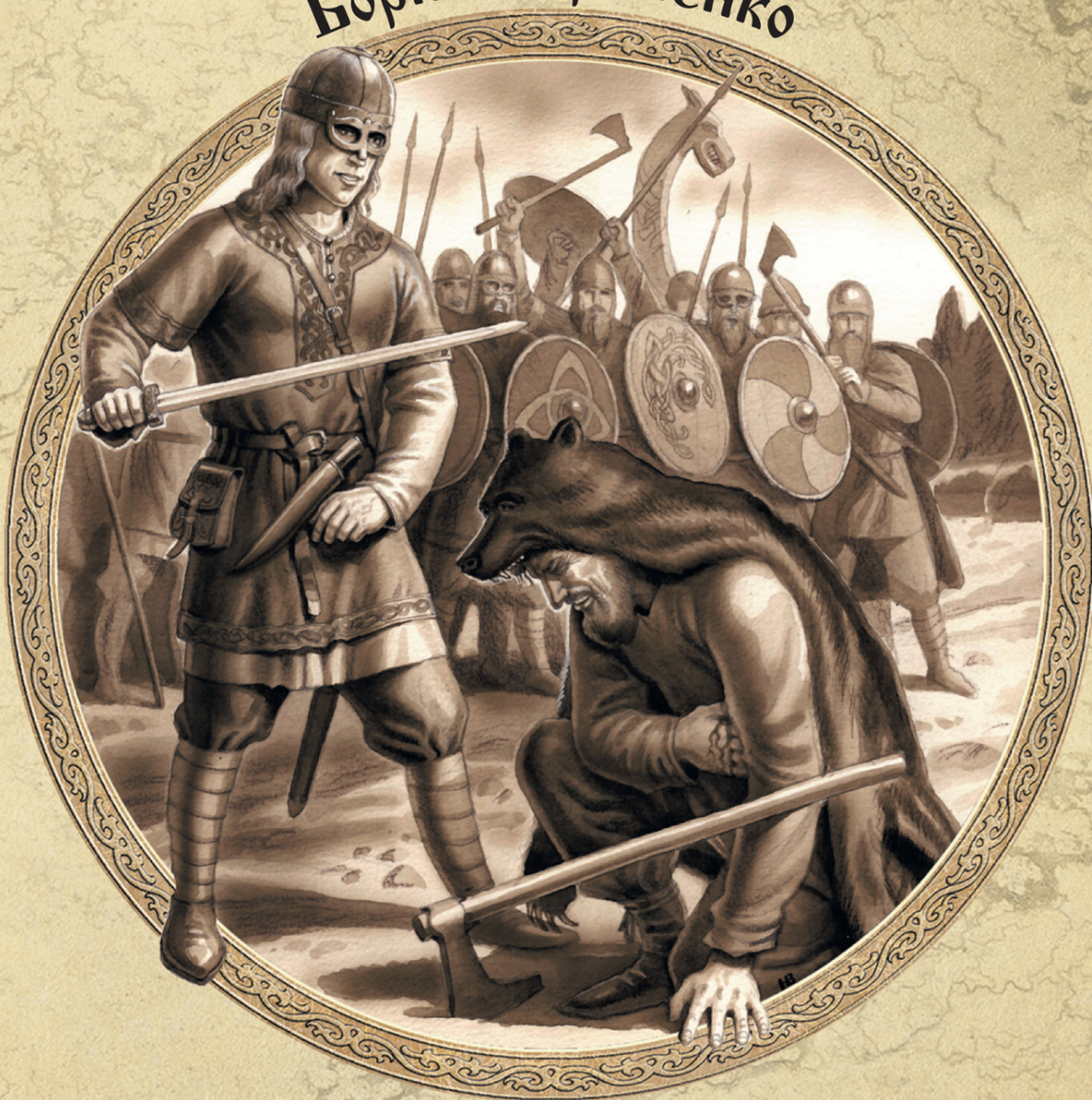

Ї истоков Руси

Борис Корниєнко

Варяжская
сага

У истоков Руси

Борис Корниенко

Варяжская сага

«ВЕЧЕ»

2017

Корниенко Б. С.

Варяжская сага / Б. С. Корниенко — «ВЕЧЕ», 2017 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-7185-8

IX век. Пожар войны вынуждает горстку жителей лесов на юге Скандинавии покинуть родные места и стать викингами, доверив свою судьбу морю и удаче. Среди искателей приключений – и юный Ансгар, который вместе с братом и друзьями вступает в дружину Бальдра Кривого, направляющего свой драккар на восток. Бальдр намерен служить легендарному конунгу Рёрику, обосновавшемуся в земле словенов, и Ансгар с остальной дружиной следует за вожаком, еще не зная, в какой водоворот событий угодит. Ансгар станет невольным участником жестокой борьбы за власть, послужившей прологом к созданию Древнерусского государства. Он будет сражаться и убивать, любить и проклинать. Так начнется долгая дорога к славе для героя, достойного того, чтобы о нем сложили сагу.

ISBN 978-5-4484-7185-8

© Корниенко Б. С., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Вместо предисловия	6
Ангар прощается с родиной	7
Ангар и Остервиг[21]	35
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Борис Сергеевич Корниенко

Варяжская сага

© Корниенко Б.С., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

*В распре кровавой брат губит брата;
Кровные родичи режут друг друга:
Множится зло, полон мерзости мир.
Век секир, век мечей, век щитов рассеченных,
Вьюжный век, волчий век – пред кончиною мира...*

*«Прорицание провидицы»
в переводе С. Свидиренко*

Вместо предисловия

Холодные морские волны накатывали на берег, смывая следы на песке, не оставляя ему никакой памяти о прошедшем здесь человеке. Сотни и тысячи лет море смывало память о многих и многих людях, о целых народах, покидавших эту суровую северную землю в поисках лучшей доли. Морю все равно – у него впереди долгие века, ему нет дела до коротких человеческих судеб. Море собирает силы, чтобы устроить бурю и гонять огромные горы воды от одного берега до другого. И если при этом оно разобьет в щепы какое-нибудь утлое суденышко, пустив его безрассудных обитателей на прокорм рыбам, не беда – сколько еще людей, этих странных маленьких существ, которым вечно нет покоя, будут строить свои хрупкие корабли, вырезать им на носу головы одного и того же уродливого зверя и, распустив паруса, пускаться в полное опасностей плавание. Буря уляжется, море уснет, копя силы для нового буйства, но и в его снах не найдется места человеку. Безучастное к жизни и смерти храбрецов, вздумавших пересечь его, море тем более равнодушно к жалкому копошению на своих берегах, и волны беспощадно стирают мириады и мириады оставленных людьми следов. И нет разницы, кто оставил след – бесстрашный воин или ничтожный трус, благородный ярл или презренный трэлл¹, – море не делает никакой разницы между ними, бездумно размывая любую память о них.

Память людская – иное дело. Из поколения в поколение передаются рассказы о былом – саги. Скальды, поэты-певцы, плетут из прядей прошлого нити повествований, а затем возглашают их перед собраниями свободных мужей и при дворах конунгов. В своих песнях они восхваляют подвиги и доблесть, проклинают вероломство и коварство. Так память о деяниях людей, добрых или злых, остается жить даже после смерти тех, кто их вершил. И пока род людской пребудет на земле, до того времени, пока Вальхалла не переполнится душами павших воинов, каждый внимающий песне скальда будет помнить о предках своего народа, чьи судьбы оказались запечатлены в сагах. И этой памяти не смыть водами даже самого сурового и буйного моря.

Но не каждому дано вплести свою судьбу в полотно саги. Только самые храбрые воины, покрывшие неуязвимой славой свое оружие, отважные мореплаватели, открывшие для заселения новые, неведомые доселе края, великие конунги, покорившие своей власти соседние народы, достойны того, чтобы о них слагали песни. Особая порода людей, выделяющихся даже в среде могущественных народов Севера, а окрестным языкам и вовсе кажущихся полубогами, а может – дьяволами. Неустрашимые, словно разъяренные медведи, стойкие, словно скалы, мудрые, словно столетние вѣроны, – именно они стоят у кормила истории. Таким был и Ансгар, сын Ансвара из Тюлоскуга. Эта сага – о нем.

¹ Трэлл – раб.

Ансгар прощается с родиной

Ансгар стоял на берегу моря, жадно вдыхая соленый воздух. Это был воздух родины со всеми его разнообразными, привычными с детства запахами, не всегда приятными, но такими дорогими в эту минуту. Невдалеке заканчивалась погрузка снаряжения и продовольствия на драккар, но никакого личного имущества, кроме оружия, у него не было, и он решил позволить себе немного расслабиться после последних напряженных дней и уделить время прощанию с домом. Вообще-то большую часть своих неполных семнадцати зим он прожил в лесу, а на морском берегу бывал пару раз в году, не чаще. Но все-таки это был берег родной земли, которую ему так не хотелось покидать. Однако решение было принято, Бальдр Кривой уже взял их с братом в свою дружину, и корабль вот-вот должен был унести его из Остергёталанда на восток, в чужую и неведомую страну. Ансгар повернулся и посмотрел на запад, туда, где среди густого леса должен был быть его дом. Но дома не было, он сторел.

* * *

Это случилось недели две назад. Вместе со старшим братом Агнарм они ушли в глубь леса в поисках зверя покрупнее. Охота была удачной, им удалось завалить матерого лося. Выпотрошив и разделав тушу, они уложили добычу в сани и двинулись в обратный путь. Идти было неудобно, весна только-только очнулась и еще не успела дать о себе знать по-настоящему, но снег уже стал рыхлым, пористым. Сани то и дело проваливались или застревали на первых прогалинах. Когда оставалось пройти еще немного, Ансгар почуял слабый запах гари, но не придал этому значения. И напрасно. Выйдя на поляну перед домом, вместо привычного глазу прямоугольного строения братья увидели только столбы, которые должны были подпирать крышу. Сама крыша обвалилась вместе со стенами и теперь догорала, испуская клубы густого черного дыма.

Чуть в стороне от пожарища лежали два тела. Бросив сани, Ансгар и Агнар как один кинулись к ним со всех ног. Мужчина лежал, широко раскинув руки и уставив взор остеклевших глаз куда-то ввысь. Сверху на нем, словно прикрывая от неведомой опасности, лежала женщина. Это были их отец и мать. Опустившись на колени, Ансгар осторожно перевернул мать на спину и сразу понял, что она жива. Голова ее была разбита, волосы слиплись от запекшейся крови, обычно яркие щеки побледнели, но все-таки она была жива. Ансгар ясно видел, как поднималась, набирая воздух, ее грудь. Он облегченно вздохнул, но тут же услышал слова брата:

– Отец мертв.

Ансгар посмотрел на старшего брата и встретился с его строгим взглядом. Лицо Агнара казалось окаменевшим, если бы не ходившие желваки. Потом Ансгар медленно перевел взор на тело отца – оба его плеча были разрублены, в груди зияла еще одна рана.

Мать еле слышно застонала. Сбросив охватившее его оцепенение, Ансгар вскочил на ноги и бросился за водой. Когда он вернулся, Агнар уже устроил мать поудобнее и сидел рядом, зажав ее ладонь в своих огромных лапах. Вдвоем им понемногу удалось привести ее в чувство. Придя в себя, она начала говорить, и из ее сбивчивого рассказа перед братьями обрисовалась нерадостная картина. Вскоре после того, как они ушли на охоту, мать, возившаяся у очага, услышала, как снаружи доносится какой-то шум. Выйдя из дому, она увидела целый отряд вооруженных людей, один из которых – большой, с черной бородой и свернутым на сторону носом – разговаривал с отцом. Они о чем-то спорили. Вдруг воин выхватил меч и с размаху ударил отца по левому плечу. Тот упал, и нападавший повернулся к своим, что-то им говоря,

но отец снова поднялся и правой рукой – левая безжизненно свисала вдоль тела, грозя вот-вот совсем отвалиться, – ударил злодея прямо по уху, да так, что он отлетел в сторону локтей на шесть. Но тут же другие воины бросились на отца, и один из них пронзил его копьем, а другой ударил секирой по правому плечу, ближе к шее. Увидев, как убивают ее мужа, мать метнулась к нему, но когда подбежала, его бездыханное тело уже лежало на снегу, а воины, погубившие его, оттирали свое оружие от крови. В гневе она бросилась на их предводителя, того, который нанес первый удар, и стала колотить его кулаками куда придется – по спине, по плечам, по груди. Одной рукой он держался за голову, приходя в себя после могучего удара отцовского кулака, а другой нехотя отбивался от матери. Так продолжалось недолго. Вскоре воины стали посмеиваться над своим старшим, и тот, разозлившись, снова взялся за меч и со всей силы ударил мать по голове, но не клинком, а рукоятью. От удара у нее потемнело в глазах, подкосились ноги, и она упала. Из последних сил она подползла к телу мужа и обняла его, думая, что ее тут же и убьют. Но пришедшим воинам больше не было до нее дела – они принялись на скорую руку грабить брошенный на произвол судьбы дом. Из раны на голове сочилась кровь, и мать начала терять сознание. Зброшенная на крышу горящая головешка была последним, что она увидела перед тем, как окончательно лишиться чувств.

– Мы должны найти их и отомстить! – вскричал Ансар. – Они убили его безоружного.

– И все же отец погиб как воин, – холодно молвил Агнар, – и Один заберет его с собой.

– Чтобы Один его забрал, вы должны провести обряд, – с трудом выговаривая слова, произнесла мать, – отложите свою месть и позаботьтесь об отце. Или вы хотите, чтоб он стал другом?²

Мать, как всегда, была права. Негоже было оставлять отца без огня. Засучив рукава, братья взялись за топоры и принялись рубить лес для погребального костра. Было уже темно, когда Ансар и Агнар, осторожно подняв тело, которое мать к тому времени обмыла и привела в порядок, возложили его на устроенный поверх дров настил. Теперь нужно было снарядить его в путь, чтобы он не явился в Вальхаллу с пустыми руками.

– Пойдем со мной, – позвал брата Агнар и пошел к пепелищу, оставшемуся на месте их прежнего дома. Он немного побродил вокруг, затем, определив нужное место, принялся разгребать обрушившиеся стены, из-под которых иногда вырывались искры от все еще тлеющего огня. Ансар принялся ему помогать. Вскоре они очистили от угля и золы небольшой участок, и Агнар принялся там что-то искать. С удивлением Ансар увидел, как Агнар, ухватившись за обнаружившееся вдруг железное кольцо, потянул его на себя, и перед братьями открылся тайник.

– Агнар, откуда ты знал, что здесь что-то есть? – изумился Ансар.

– Я все-таки старший брат, – едва улыбнулся Агнар, – пару лет назад отец показал мне это. – Он достал из ямы какой-то чехол и положил на землю. Когда он его развернул, перед глазами Ансара предстали два великолепных меча в дорогих ножнах. Он взял один из них в руки и принялся рассматривать. Сбросив ножны, Ансар увидел, как в свете луны блеснул прямой, сужающийся к острию клинок. Ближе к рукояти на него было нанесено несколько непонятных знаков. Клинок был заточен по обеим сторонам на всю длину, а длина эта составляла, как примерно прикинул Ансар, почти два локтя. Рукоять меча украшал тонкий рисунок, нанесенный серебром с вкраплениями золота, а в ее навершие был инкрустирован какой-то драгоценный камень, но в камнях Ансар не разбирался. Он сделал несколько взмахов мечом и ощутил, как удобно тот лежит в руке. Орудовать им было легко, но в то же время чувствовалось, что это по-настоящему грозное оружие. Им можно было как рубить, так и колоть, при этом заточен он оказался настолько остро – Ансар проверил, проведя по лезвию пальцем, – что позволял

² **Друзги** – ожившие мертвецы, не нашедшие упокоения души людей, которые умерли не в бою и не были преданы огню.

раскрыть кольчугу. Удивительно, как отец все это время скрывал мечи от его внимания и при этом умудрялся содержать их в таком порядке.

– Это оружие раздобыл наш дед, Агвид, когда вместе с данами ходил в набег в земли франков. От него их унаследовал наш отец. Ты знаешь, он не любил войны, предпочитал мирный труд. Но все же он был воином и умел владеть любым оружием. Помнишь, как он сделал нам наши первые деревянные мечи и заставлял драться? – При этих словах Ансар печально склонил голову, и Агнар продолжил: – А эти мечи он берег для нас. Когда отец мне их показал, он собирался вручить один из них мне, но я попросил подождать, пока ты подрастешь, чтобы получить их вместе с тобой.

Ансар посмотрел на брата. В этот миг своим строгим ликом он так напоминал отца! Светлые, почти белые волосы, высокий чистый лоб, строгий взгляд серых глаз под сурово сведенными бесцветными бровями, немного продолговатое худое лицо с ровным носом, чуть выступающий подбородок, покрытый не очень еще густой бородой. Ансар тоже был похож на отца, но было в нем что-то и от матери – лицо чуть покруглее, губы чуть посочнее, и глаза не серые, а светло-голубые.

Помолчав немного, Агнар произнес:

– Именно сегодня, после нашего возвращения с охоты, он собирался вручить нам эти мечи...

Сказав это, он сбросил свой старый меч и перекинул через правое плечо перевязь, так что меч франков оказался у него высоко на левом боку. Глядя на брата, Ансар вздумал было поступить так же, но тот неожиданно возразил:

– Нет, ты возьмешь мой меч!

– Но, брат! Ты же только что сказал, что отец хотел передать это оружие нам обоим!

– Да, но теперь он мертв! – возразил Агнар. – Он погиб как воин, и ему предстоит вознестись в Вальхаллу. И ты хочешь, чтобы он предстал перед богами и перед другими воинами безоружным или с этим куском железа? – Тут он указал пальцем в сторону брошенного им меча, которым еще совсем недавно так гордился. – Нет, мы проводим его в последний путь, как он того действительно заслуживает. Поэтому, извини, брат, но один франкский меч заберет с собой отец, а другой возьму я – потому что я теперь старший в нашем роде!

Агнар был прав, и Ансару ничего не оставалось делать, только как молча кивнуть. Он нагнулся и поднял старый меч брата. Зря Агнар так презрительно отозвался о нем. Конечно, этот меч был короче, его широкое лезвие имело заточку только с одной стороны, да и то только у острия. Таким мечом можно было не столько рубить, сколько крушить противника, мочалая ему мышцы и дробя кости. И конечно, никаких украшений – ни тебе серебра, ни драгоценных камней. Зато просто и надежно, а при должном умении еще и смертельно опасно для врагов.

Вернувшись к телу отца, над которым что-то тихо причитала мать, уже успевшая остричь мертвому ногти³, братья торжественно вложили ему в руки меч франков, рядом в одну из оставшихся целыми после пожарища глиняных мисок положили сердце убитого накануне лося, а в другую налили воды – чтобы отцу было что есть и пить по пути в Вальхаллу. Подумав, Агнар решил дать отцу в дорогу копье и лук со стрелами, с которыми они ходили на охоту, и свой топор. Увидев это, Ансар достал из-за сапога нож – старый, с потемневшей от времени рукоятью, его своими руками сделал их дед – и положил отцу в ноги. К сожалению, больше они ничем ему помочь не могли, ибо остальное их имущество либо расхитили нападавшие, либо сгорело при пожаре, а что-то надо было еще оставить и себе.

³ В древней Скандинавии верили, что из ногтей умерших будет построен корабль Нагльфар, на котором в день Рагнарок армия великанов-ётунов во главе с Локи покинет Хелль и поплывет на поле Вигрид для последней битвы с верховными богами-асами. Чтобы отсрочить этот миг, было принято остригать умершим ногти.

Чтобы огонь охватил разом весь погребальный костер, братьям пришлось изрядно постараться, так как у них не было масла. Но вот пламя охватило со всех сторон настил, на котором лежало тело отца, и медленно стало подбираться к нему самому. В этот самый миг Ансгар понял, что видит отца в последний раз в жизни. К горлу подступил ком, но, посмотрев на брата, в сухих глазах которого сверкали только отблески огня, он сдержался и не позволил слезам осквернить обряд. Прощай, Ансвар, сын Агвида, и, как знать, может, мы скоро свидимся с тобой, чтобы в последний день Рагнарок биться плечом к плечу!

Уже светало, когда все было кончено. Мать собрала прах в глиняный горшок. Над тем, что не уместилось, братья насыпали небольшой холмик мерзлой земли. После этого мать вручила горшок Агнару со словами:

– Не оставляйте его здесь. Отнесите к морю и развеите над водой – пусть ваш отец еще пошалит с дочерьми Ран.

Мать снова была права. Отец не был по-настоящему стар, в нем оставалось много силы – ей ли не знать. И если, действительно, отдать его прах морским волнам, девять дочерей великанши Ран должны были ублажать отца до самой Вальхаллы.

Однако прежде чем отправляться в путь, следовало позаботиться о матери. Она была крепкой женщиной и могла перенести многое, но она только что потеряла дом и мужа, да к тому же рана на голове лишала ее сил. Сыновья были хорошими охотниками и воинами, но никудышными знахарями. Подумав, Агнар сказал:

– Мы должны отвести ее к Брюнгерде.

– К этой колдунье? В своем ли ты уме, Агнар? – с беспокойством глядя на брата, воскликнул Ансгар.

– В своем. Подумай сам: кто знает, что это были за воины и чего они хотели? Наверняка они все еще бродят по округе, и кто скажет, будет ли безопасно оставлять мать у соседей? Сейчас любой из вольных жителей нашего леса может стать жертвой их разбоя. А к колдунье никто по доброй воле не пойдет, брат у нее нечего, кроме порчи, которую она может наслать на любого, осмелившегося нарушить ее владения.

– Вот именно, Агнар! Не боишься ли ты, что мы сами станем жертвами ее колдовства?

– Ансгар, – мать провела ладонью по его волосам, – не бойся Брюнгерду, она не причинит нам зла.

Братья изумленно уставились на мать.

– Но разве не ты с самого детства учила нас не ходить к Черному холму, потому что там живет колдунья? Я-то ее не боюсь, – сказал, бросив взгляд на младшего брата, Агнар, – но все вокруг знают, что лучше с Брюнгердой не знаться, только если тебе вдруг понадобятся колдовские чары.

– Зачем же ты хочешь отвести к ней нашу мать? – возмутился Ансгар.

– Затем, что иного выхода нет, – уже возвышая голос, ответил Агнар.

– Замолчите! Замолчите оба, – пресекла разгорающийся спор мать, и видно было, что далось ей это непросто. – Вы не понимаете, о чем говорите. Хотя ты, Агнар, прав – иного выхода нет. Я пойду к Брюнгерде, и ничего дурного со мной там не случится. Не беспокойся, Ансгар, со мной все будет хорошо.

Спорить и с братом, и с матерью дальше было бесполезно, и Ансгару ничего не оставалось, как только молча кивнуть головой, хотя внутренне он остался при своем мнении. Он был уже не маленький и тоже не боялся колдуньи, но предпочитал держаться подальше от всего, чего не понимал – а колдовства он не понимал.

Наутро, немного подкрепившись, они двинулись в путь. Агнар нес прах отца, а Ансгар тащил сани с убоиной и немногим уцелевшим скарбом. Мать садиться в сани отказалась и шла сама, хотя и опираясь на руку старшего сына. Черный холм находился в самом глухом углу лесной пуши, пробираться туда приходилось звериными тропами, ибо люди редко там появ-

лялись, тем более что сам холм был окружен болотами. При этом, как ни странно, вся округа знала дорогу к Брюнгерде – всем рано или поздно требуется колдовская помощь. Братья хотя на самом холме не бывали и колдуньи прежде не видали, но тоже были знакомы с подступами к ее логову. Еще в детстве с соседской ребятней они, нарушая запреты, гуляли в этих местах. Преодолевая страх, навеянный страшными рассказами, которыми пугали их взрослые, Ансар и Агнар подбирались к самым болотам, так что теперь, к удивлению матери, они точно знали, куда идти. Наконец, к середине дня они добрались до границы владений ведьмы.

– Стойте! Дальше самим идти нельзя, – почуяв под ногами незамерзающую болотную жижу, сказала мать, – нужно позвать ее, чтоб колдунья сама вышла к нам на встречу. Брюнгерда-а-а! – вдруг неожиданно громко закричала она.

Братья притихли, вслушиваясь в повисшую после возгласа матери тишину. Ансару показалось, что стало даже тише, чем обычно бывает в такой глуши. Они стояли на краю леса, а перед ними простиралось черное болото. Оно было действительно черным, странным образом сюда почти не проникал солнечный свет, так что почти невозможно было разобрать, что творится под ногами. Несколько минут казалось, будто совершенно ничего не происходит. Братья уже с беспокойством стали поглядывать на мать, но та оставалась невозмутимой. И вот где-то в неразличимой тьме раздались чавкающие шаги. Все трое повернули головы на звук, пытаясь сквозь мрак и туман рассмотреть идущего.

– А, это ты, Ранвейга, – раздался вдруг голос совсем с другой стороны, – я давно тебя ждала.

Тут Ансар заметил, как слева от них в болотном сумраке вырисовался некий силуэт. Очевидно, это и была Брюнгерда. Ансар ожидал увидеть седую косматую старуху с торчащим клыком и костлявыми руками – именно так он представлял себе колдунью, – но вместо этого увидел совсем еще не старую женщину, может быть, даже немного младше их матери. Ее золотые волосы хотя и не были заплетены в косу, но зато, аккуратно расчесанные на обе стороны, придерживались тонким гайтаном, который не давал им рассыпаться и лезть в глаза. Чистая и опрятная одежда казалась весьма странной для обитательницы непроходимого болота, но при этом очень шла Брюнгерде. Ансар всмотрелся в ее довольно красивое, с правильными чертами лицо и, к удивлению, заметил сходство с ликом собственной матери. Мать как раз подала голос:

– Да, это я. Видишь, я наконец пришла к тебе.

– Долог же был твой путь к Черному холму, – ухмыльнулась Брюнгерда, – но ты не одна. Что же ты не представишь мне своих спутников?

Брюнгерда подошла ближе и по очереди заглянула братьям в лица. Она стояла так близко, что Ансар почувствовал тепло ее тела и неведомый ему прежде манящий аромат. Их взоры встретились. Никогда прежде Ансар не видел таких синих глаз. Их взгляд завораживал – было в них что-то дикое, но в то же время безгранично мудрое, и казалось, будто смотрит колдунья в самую душу, легко выискивая в ее закоулках самые тайные помыслы. Впрочем, скрывать Ансар ничего не собирался, в свои семнадцать лет он был весь как на ладони. Очарованный, он стоял как вкопанный, боясь даже шелохнуться. Брюнгерда улыбнулась и, повернувшись к молчавшей все это время матери, сказала:

– Впрочем, можешь мне ничего и не говорить. Они похожи на своего отца! Жаль, что мне так и не доведется его больше увидеть. Однако, – колдунья подняла руку, словно призывая не мешать ей прислушиваться, – я чую его прах.

Агнар – он тоже был под воздействием чар – на словно одеревеневших руках вытянул перед собой глиняный горшок. Посмотрев на него, Брюнгерда печально улыбнулась и тихо произнесла:

– Бедный Ансар! Прощай! Увы, сила твоя ушла, так и не коснувшись меня. Но, – она снова подняла глаза на братьев, – ты оставил мне своих сыновей!

– Ну, хватит! – резко молвила мать. – Хватит морочить головы моим мальчикам! – С этими словами она встала между братьями и колдуньей. Ансгар вздрогнул и тут же почувствовал, что вновь овладел собой. Он посмотрел на мать – она тяжело дышала, а из-под повязки на ее голове вновь засочилась кровь.

– Они могли бы быть моими! – вскричала Брюнгерда, и Ансгар увидел, как гнев исказил ее лицо. – Я могла быть их матерью, если бы Ансвар выбрал меня!

– Но он выбрал меня, – строго отвечала мать, – а теперь мы уйдем. Я надеялась на твою помощь, но вижу, память о прошлых обидах все еще жива в тебе и ничего хорошего нам от тебя не ждать. Агнар, Ансгар, идем! – повернувшись она к сыновьям.

– Стойте! – уже тише заговорила колдунья, видно было, что она взяла себя в руки. – Прости, Ранвейга, ты права, нам не стоит поминать о былом. Ведь, как бы то ни было, мы с тобой сестры. – С этими словами она бросила торжествующий взгляд на Агнара и Ансгара.

– Сестры? – в один голос воскликнули братья и вопросительно посмотрели на мать. Та лишь сердито молчала.

– Да, племяннички, да, – снова заворковала Брюнгерда, подходя к ним ближе и грозя очаровать своими широко распахнутыми глазами, – разве мать не говорила вам, что колдунья с Черного холма – ее сестра?

Рот Брюнгерды растянулся в коварной улыбке. Она насмешливо поглядывала то на Агнара с Ансгаром, то на Ранвейгу.

– Да, это так, – наконец молвила та и тихо добавила: – Лучше бы мы вовсе сюда не приходили.

Ансгар понял, что глаза не обманули его. Сходство Брюнгерды и его матери не было случайным. Но как это могло случиться? Как могло случиться, что его родная тетя, о которой он раньше вовсе не знал, и есть колдунья с Черного холма? Рядом Агнар встряхнул головой – он, видно, был ошарашен не меньше брата.

– Нелегко, наверно, в это поверить, – прервала затянувшееся было молчание Брюнгерда. Она смотрела все так же насмешливо, но в то же время уже более дружелюбно. – Пожалуй, нам стоит пообщаться в более теплой обстановке. Идемте со мной! – И она жестом пригласила их следовать за ней.

Братья снова посмотрели на мать. Немного подумав, она коротко бросила:

– Идем. – И все трое поплелись за колдуньей, стараясь шаг за шагом следовать след в след.

Сани пришлось оставить на краю леса, взяв часть груза в собственные руки. Пока они брели по каким-то одной Брюнгерде ведомым путям, Ансгар слушал, как хлюпает у него под ногами болотная жижа, и ждал, что вот-вот в ней завязнет и тогда никакие чары ему не помогут. В то же время он никак не мог привести в порядок свои мысли – события последних суток совершенно разрушили привычный уклад жизни. Вчера какие-то люди убили отца, и теперь его прах покоится в горшке в ожидании, покуда не будет развеян над морем. А сегодня Ансгар вдруг обрел родную тетку, о которой прежде слыхом не слыхивал и которая теперь вела его в свой дом – на таинственный Черный холм.

Между тем идти оказалось совсем недалеко. Холм был действительно черный, как и все вокруг, но при этом значительно меньше, чем представлял себе Ансгар, судя по рассказам из детства. Грешным делом, он даже подумал, что это вовсе не холм, а какой-нибудь древний курган, могила давно забытых пращуров, – так странно смотрелась эта земная выпуклость посреди болота. Может, его насыпали еще до того, как пространство вокруг было затоплено. На вершине холма стояла неказистая хибара, в которой, очевидно, и жила колдунья. Рядом – еще несколько мелких построек. Мрачный вид дополнял череп неведомого, но, безусловно, крайне уродливого при жизни животного, висевший над входом в хижину. Удивительно, думал про себя Ансгар, как при царящей кругом грязи колдунья ухитрялась сохранять такой чистый и опрятный вид.

Его удивление стало еще большим, когда он вместе со всеми вошел внутрь жилья Брюнгерды. Ансгар ожидал увидеть темное, захламленное помещение с паутиной в углах, сушеными жабами и крысами вдоль покрытых копотью стен, а посередине – огромный котел с каким-нибудь кипящим зельем. Но ничего подобного! Перед его глазами предстала совершенно другая картина. Оказалось, Брюнгерда следит не только за собой, но и за своим домом. Кругом была чистота, совершенно непредставимая в таком месте. Можно даже сказать, что изнутри хижина колдуньи, вопреки названию ее обиталища, была светлой. Котелок – правда, пустой – был, но гораздо меньших размеров, чем рисовалось воображению Ансгара. В общем, можно сказать, что жилье Брюнгерды оказалось довольно уютным. Но тесным – колдунья с трудом нашла место, чтобы разместить своих гостей.

– Итак, вы пришли за моей помощью? – Брюнгерда вопросительно смотрела на вновь обретенное семейство. – По доброй воле вы бы этого никогда не сделали. Что-то вас заставило. Что же?

Ранвейга повторила свой рассказ о неизвестных воинах, убивших ее мужа и сжегших дом. Брюнгерда слушала внимательно. Упоминание каждого удара, принятого Ансваром, отражалось явным выражением муки на ее лице. Было видно, что весть о его смерти далась ей тяжело. Но она держалась и, когда Ранвейга замолчала, как можно более холодно спросила:

– Какой помощи вы хотите от меня? Не думаете же вы, что я могу его воскресить?

– Нет, сестра, воскресить его уже нельзя. Душа Ансвара на пути в Вальхаллу.

– В таком случае что вам надо? – Голос Брюнгерды слегка дрогнул, и Ансгар понял, что на самом деле она хочет им помочь, но что-то удерживает ее.

– Разве ты не видишь, что моя мать ранена? – воскликнул Ансгар. – Ей нужна помощь, но все, что мы с братом смогли, так это перевязать ей голову.

– Сын! – Ранвейга жестом призвала Ансгара замолчать, но он продолжал:

– Мы с братом хотим найти убийц отца и покарать их, однако не можем сделать этого, пока у нас на руках наша мать. Мы просим тебя взять ее на излечение и приютить у себя до тех пор, пока мы, отомстив за отца, не вернемся за ней. Нам больше не к кому обратиться! Идя сюда, я не знал, что ты наша родственница и, по правде сказать, отговаривал от того, чтобы обращаться к тебе, но теперь я не могу понять, как можешь ты отказать нам в помощи? Ведь это твоя родная сестра, а мы с Агнармом – твои племянники!

– Я и не отказываю вам, – спокойно произнесла Брюнгерда, видно было, что речь Ансгара произвела на нее впечатление, – я помогу вам. В память об Ансваре. Но и вы не откажите мне в одной просьбе.

– О чем ты? – насторожилась Ранвейга.

– О, ничего особенного, – улыбнулась Брюнгерда, – я просто хочу знать судьбу своих племянников.

– Никогда! – резко отказала мать.

– Почему? – удивились братья. Они не могли понять, что вызвало у матери такое отторжение. В конце концов, от них ничего не требовалось. Наоборот, можно сказать, Брюнгерда делала им одолжение, соглашаясь бесплатно разузнать их судьбу.

– Вы не понимаете, – взволнованно заговорила Ранвейга, – никакое колдовство не проходит бесследно. Погадав вам, она получит возможность следить за вами и даже вмешиваться в вашу жизнь, как бы далеко вы ни были. Кто знает, что именно она предпримет, обладая такой властью над вами. Да-да, Брюнгерда, не отрицай, – повернулась она к колдунье, – ты хочешь получить власть над моими детьми!

– Не преувеличивай, сестра! – колдунья по-прежнему улыбалась, казалось, этот разговор ее забавляет. – Не буду скрывать, вопрос судьбы создает связь между тем, кто гадает, и тем, кому гадают. Я, действительно, получу возможность следить за вашими перемещениями, но

я никоим образом не смогу вмешиваться в ваши дела. Может быть, будь я более искусной, мне бы и удалось, но, увы, многие секреты Черного холма утеряны – не по моей вине.

– Хорошо, я верю тебе, и я согласен, – сказал Ансар, – брат, думаю, тоже не будет возражать. – При этих словах Агнар лишь молча кивнул. – Но только скажи, зачем тебе это? Что тебе в том, где мы и что с нами происходит?

Брюнгерда рассмеялась, и в ее смехе послышались одновременно сумасшествие и тоска. Отсмеявшись, она ответила:

– Не знаю, поверите ли вы мне, но я уже много лет живу в одиночестве здесь, на этом болоте, и мне просто... – Брюнгерда глубоко вздохнула. – Мне просто скучно. Подсматривать за жизнью других людей – одно из немногих развлечений, которое я могу себе позволить. Тем более занятно будет следить за вами, сыновьями Ансвара.

Братья переглянулись, потом посмотрели на мать – та только сердито ворчала что-то себе под нос, но открыто больше не возражала. Тогда Агнар и Ансар в один голос сказали:

– Мы согласны.

– Прекрасно! – расплылась в улыбке Брюнгерда. – Но этого мало.

– Что еще тебе нужно? – чуть не закричала Ранвейга.

– Я хочу погадать и тебе, сестра, но не о твоём будущем, оно и так мне известно – ты будешь жить здесь со мной, – а о твоём прошлом.

– А-а! Вздумала подглядеть, как мы жили с Ансаром? – закричала мать. – Тебе все-таки не дает покоя, что он предпочел меня! Сама супружеской жизни не познала, так теперь хочешь покопаться в нашей?

Брюнгерда покраснела, но сдержалась. Как можно спокойнее она произнесла:

– Можешь думать, что хочешь, но только так ты узнаешь имя того, кто нанес тебе рану, а значит – имя убийцы Ансвара!

– Ты вправду можешь сказать нам это? – вскочил Ансар.

– Да, но мне нужна та самая повязка, которой вы замотали голову вашей матери.

– Теперь я старший в роду, – обратился Агнар к матери, – и я должен знать, почему так получилось. Ты не можешь мне отказать!

Ранвейга внимательно посмотрела на старшего сына. Только тут она, кажется, поняла, что после смерти Ансвара он стал старшим мужчиной в их семье и его следует слушаться. Она опустила голову и едва слышно прошептала:

– Хорошо, пусть будет по-вашему.

– Ну вот и договорились, – едва ли не потирая руки от удовольствия, молвила Брюнгерда, – а теперь, мальчики, я прошу вас выйти на некоторое время на улицу. Обряд гадания не терпит посторонних.

Братья поднялись на ноги. Выходя вслед за Агнаром, Ансар, стоя в дверях, обернулся и посмотрел на свою мать и стоявшую рядом с ней колдунью. Ему показалось, что эти две женщины, родные сестры, вот-вот вцепятся друг другу в горло. Но делать было нечего и, скрепя сердце, он вышел на улицу. Некоторое время они с Агнаром потолклись у входа в хижину, ожидая с минуты на минуту услышать вопли и крики, а может быть, даже шум драки, но, вопреки их опасениям, было тихо.

Заняться посреди болота было особенно нечем, и, не сговариваясь, братья принялись разводить костер, собираясь зажарить лосятину и пообедать. Порывшись в одной из пристроек, Агнар раздобыл вертел, которым, правда, судя по виду, давно не пользовались. Приведя его в порядок, он принялся нанизывать крупные куски мяса. Тем временем Ансар разжег огонь. Дрова, которые ему удалось найти на дворе колдуны, были сырыми, горели плохо и при этом нещадно дымили. События последних двух дней вкупе с мрачным видом, открывавшимся с вершины Черного холма, рождали в сердце Ансара тяжелое чувство, которое сам он толком не смог бы определить – печаль ли это, тоска или безнадежность. Но когда зашипело, опалаяе-

мое огнем, мясо и в дыме костра стал различаться приятный аромат, Ансгару сразу полегчало. Предвкушая скорую трапезу, он прилег, накрывшись овчиной, и тут же уснул.

Ансгару приснилось море. Он стоял на берегу, и волны омывали его сапоги. Рядом стоял отец, но тело его было словно из пепла. Ансгар смотрел на него, веря и не веря своим глазам, ведь он помнил, как пламя обратило его в прах. Еле слышно отец звал его:

– Ансгар! Сын!

С моря подул ветер, и от тела отца стали отделяться хлопья пепла. С каждым мигом он становился все меньше и меньше. Ансгар бросился к нему и попытался обнять, стремясь удержать рассыпающееся тело, но от его прикосновения разрушение только усилилось, и через мгновение от отца ничего не осталось. Только ветер кружил пепел и в воздухе все громче и громче раздавалось:

– Ансгар! Ансгар! Ансгар!

Он открыл глаза и увидел над собой лицо Агнара.

– Ансгар, проснись! Они закончили.

Ансгар приподнялся и увидел, как рядом у костра устраивались мать с колдуньей. На голове матери была свежая повязка, уже без следов крови. Он внимательнее всмотрелся в ее лицо. Бледное в сгущающихся сумерках, с влажными глазами – неужели она плакала? Ансгар редко видел слезы матери. Он бросил взгляд на Брюнгерду. Та тоже вела себя тише, без прежней враждебности. То ли между сестрами состоялся душевный разговор, прекративший их вражду, то ли это обряд подействовал на них таким образом; как бы то ни было, Ансгар был рад их примирению и широко улыбнулся.

Впрочем, радоваться было рано. Хотя сестры и примирились, но вместе с тем в их лицах читалась глубокая печаль. Через обряд, как догадался Ансгар, им пришлось заново пережить смерть его отца. Тем временем Агнар в нетерпении выпрашивал у колдуньи:

– Что ты увидела? Кто это был? Кто убийца?

– Сядь, сын, и выслушай, что скажет тебе моя сестра. – Ранвейга потянула Агнара за руку и усадила рядом с собой.

Брюнгерда внимательно посмотрела на братьев, затем перевела взор на пламя костра. Лицо ее было сосредоточено, большие голубые глаза полуприкрыты. Она сложила руки на колени и заговорила:

– Рану нанес человек с севера. Он несет разрушение. Многого я о нем сказать не могу, но точно знаю, что моей сестре очень повезло, раз она осталась жива после встречи с ним. Также мне открылось, что это не простой человек. Возможно, он ярл, но не конунг. Вы знаете, кто мог прийти с севера, – это свеи, правит которыми Эрик, сын Анунда, но убийца не принадлежит к его дому. Его кровь черна, как и его прошлое.

Так перед братьями открылась суровая правда. Их отец стал жертвой вторжения свеев. Хотя имя убийцы осталось неизвестным, но истинным виновником смерти Ансвара следовало назвать конунга Эрика Ведерхатта, сына Анунда Упсале. Была в этом какая-то злая ирония. Дело в том, что дед Агнара и Ансгара, Агвид Хауксон, был в дружине Анунда Упсале и, когда тот был изгнан, ушел вместе с ним к данам и оставался верен ему в самом бедственном положении. Но когда Анунду удалось вернуть себе власть в стране свеев, он стал притеснять бондов. Не желая больше служить конунгу, презревшему старые вольности, Агвид ушел из его дружины и вместе с семьей поселился в лесу, разделявшем свеев и гётов. Периодически то с севера, то с юга сюда заявлялись отряды воинов, но подчинить местных жителей было не так-то просто, и до последнего времени они жили свободно, не имея над собой власти какого бы то ни было конунга. Но вот Эрик, сын Анунда, похоже, всерьез вознамерился покорить этой край, и одной из его первых жертв стал Ансвар, сын Агвида.

Какое-то время все четверо сидели молча. Одно дело – найти и перебить разбойничий отряд: для этого можно было бы собрать мужчин ближайшей округи. И совсем другое дело –

выйти против дружины конунга, тут может не хватить всего лесного воинства. Тем более что Эрик Анундсон нагрянул неожиданно, а это значит, что обитатели леса просто не успели соединиться и теперь всеи быют их поодиночке.

– Что же мы будем делать, брат? – беспомощно опустил руки, спросил Ансгар.

– Не знаю, брат. – Агнар напряженно смотрел в пламя костра, сжимая и разжимая кулаки. – Но мы должны что-то предпринять. Во всяком случае, нельзя, сложив руки, оставаться здесь!

– Если конунга мы достать не сможем, то по крайней мере можно попытаться найти того, кто убил нашего отца! – предложил Ансгар.

– Хорошо сказано, брат, но как это сделать? Колдунья не назвала его имени, хотя обещала.

– Все, что смогла узнать, я вам сказала. Вы слышали, но может, не услышали. – В словах Брюнгерды сквозила обида.

– Разрушение! Что за имя такое? – возмутился Агнар.

– Во всяком случае, мы должны сразиться со свеями! – с жаром заговорил Ансгар. – Эта земля свободна от власти конунгов! Наверняка лесное воинство уже готово выступить против Эрика, и мы должны присоединиться к нашим братьям!

– Агнар, Ансгар, дети мои! – возвысила свой голос Ранвейга. – Вашего отца уже не вернуть, но я не хочу потерять еще и вас! Тягаться с конунгом свеев вам, простым бондам, не по силам. Связавшись с ним, вы только погубите себя! Пожалуйста, оставьте эту затею!

Братья удивленно смотрели на мать, словно не могли понять, действительно ли она произнесла такое или им послышалось.

– Кровная месть – не «затея», от нее нельзя отказаться, – жестко молвил Агнар, – мы будем презираемы на этом свете и осмеяны на том, если ничего не предпримем.

– Отец не простит нам, если мы оставим в покое его убийцу, – вспомнив свой сон, добавил Ансгар, – мы обязаны преследовать и Эрика, и этого несущего разрушение ярла, пока не прольем их кровь либо пока не падем сами.

Мать, понуро опустил плечи, замолчала. Но заговорила Брюнгерда:

– Возможно, если вы исполните свое обещание до конца и откроете мне свою судьбу, вам будет легче определиться с тем, что делать дальше. Это гадание совсем иного толка, нежели то, через которое прошла ваша мать. Руны скорее задают загадку, и не так-то просто раскрыть смысл предсказания. Поэтому, даже зная, что сказали руны, сложно бороться с предначертанным. Но все же это лучше, чем встречать свою судьбу с закрытыми глазами.

Агнар задумчиво почесал затылок, но, видя сомнения брата, Ансгар сказал ему:

– Нам не о чем раздумывать! Мы обещали! Если надо, я могу получить предсказание первым.

– Нет, брат. Я старший, значит, я и буду первым. Что надо делать, колдунья?

– Идем за мной, – поднялась Брюнгерда и направилась в хижину. Агнар удалился вслед за ней.

Ансгар подсел ближе к матери. Мясо уже давным-давно зажарилось и, источая манящий запах, лежало рядом в нескольких глиняных мисках, но Ансгар решил пока его не трогать и подождать, что скажет брат. Агнар появился неожиданно скоро. Он с рассеянным видом сел у костра и, не проронив ни слова, с какой-то таинственной улыбкой принялся поправлять костер.

– Брат, что сказала Брюнгерда? – спросил Ансгар, пытаясь словить блуждающий взгляд Агнара, но тот продолжал хранить молчание, словно ничего не слышал.

– Сын! – не выдержав, позвала Ранвейга.

Голос матери вывел Агнара из его странного состояния, но все, что он проговорил, было:

– Твоя очередь, брат.

Ансгар, разогнув затекшие ноги, поднялся и нетвердым шагом направился в хижину. Идти к Брюнгерде не хотелось. До сих пор ему счастливо удавалось избегать колдовства, и он предпочел бы, чтобы так оставалось и впредь. Но делать было нечего. Остановившись перед низкой дверью, Ансгар обернулся и увидел, как мать, сев рядом с Агнармом, гладит его по голове. Как ни странно, но это его успокоило, и, нагнувшись, он смело вошел внутрь.

В хижине было темно, только посередине горел слабый зеленоватый огонек. Вокруг клубился густой дым со странным терпким ароматом, от которого у Ансгара сразу помутнело в голове. Брюнгерда вынырнула откуда-то из-за угла и обвила теплыми руками шею Ансгара.

– Ансвар, любимый, – прошептала колдунья. Ее глаза были словно покрыты пеленой, она явно была не в себе.

– Я не Ансвар, – мягко ответил Ансгар и легонько оттолкнул Брюнгерду. Это подействовало на нее отрезвляюще, пелена с глаз спала. Она посмотрела на него уже более осмысленным взором и сказала:

– Ты так похож на своего отца! Больше, чем твой брат. Не лицом, а здесь. – Она положила ему руку на грудь, где тревожно стучало сердце. Затем отошла к огню и позвала:

– Подойди сюда!

Ансгар осторожно ступил в центр хижины.

– Ближе, вот так! – Взяв его за руку, Брюнгерда подвела Ансгара вплотную к зеленому свечению, а сама стала напротив, так чтобы огонь оказался между ними. Прошептав несколько непонятных слов, она подбросила в пламя щепотку какого-то порошка. На миг вспышка света озарила все помещение, но тут же снова стало темно, и только тусклый огонек продолжал так же холодно мерцать. Вместе с тем по хижине распространилась новая волна пахучего дыма, от которого у Ансгара все поплыло перед глазами. Тени на стенах стали превращаться в причудливые фигуры, плясавшие диковинный танец и тянувшие свои костлявые руки прямо к Ансгару. Понимая, что это только лишь наваждение, он попытался сосредоточить взгляд на колдунье и увидел, как та протянула ему мешочек. Откуда-то издали он услышал голос, который говорил ему:

– Тяни шесть рун и выкладывай их на полу в том порядке, в каком я тебе скажу.

Ансгар послушно полез рукой в мешок и стал доставать оттуда обломки костей, на которых были начертаны непонятные ему знаки. По велению голоса он стал выкладывать руны вокруг огня особым порядком. Одну – справа от себя, другую – слева, третью – перед собой, четвертую – еще ближе к себе, пятую – с противоположной стороны, шестую – дальше всего, у самых ног Брюнгерды. Сделав так, Ансгар отступил на два шага назад, а колдунья начала кружить вокруг пламени, вглядываясь в руны. При этом она выкрикивала:

– Отала! Маннар! Ансур! Кауна! Райду! Турисас!

Затем она остановилась, и в огонь полетела еще одна щепотка порошка. Вновь вспышка, и вновь дурман охватил Ансгара. Ему показалось, что он падает – падает в пропасть, у которой нет дна. При этом он оставался стоять на ногах. В голове шумело, но сквозь шум он четко слышал, как колдунья нараспев произносит:

– Норны⁴ рекут: лишившись наследства, смертный муж станет равен богам. С раной на сердце предстоит долгий путь к черным вратам.

Не в силах больше выносить царивший вокруг него морок, Ансгар выскочил из хижины. Он набрал полной грудью свежий вечерний воздух, и ему сразу полегчало. Он поднял глаза к небу – небосклон был усыпан звездами, и ни одна мрачная тень не оскверняла их свет. Минуту назад ему казалось, что его больше нет, а есть только дурман, зеленое свечение и прыгающие фигуры на стенах. И вот Ансгар почувствовал, что снова жив, и от этого ему хоте-

⁴ Норны – богини судьбы.

лось улыбаться. Только в голове раз за разом повторялось услышанное им пророчество, и он невольно шептал: «смертный... равен богам... долгий путь к черным вратам».

Пошатываясь, Ансар подошел к костру. Мать встала ему навстречу и с тревогой заглянула в лицо. Он улыбнулся ей, но сказать ничего не смог – язык ворочался во рту, все еще пытаясь повторять пророчество, но вместо этого получалось только невнятное бормотание. Ранвейга взяла сына за руки и усадила поближе к огню. Его пламя горело совсем не так, как там – в избе. Это пламя ярко светило, и от него было по-настоящему тепло. Ансар взглянул на брата, тот весело уплетал лосятину, и он понял, что тоже жутко проголодался. Ансар потянулся к мясу и, ухватив кусок покрупнее, жадно впился в него зубами. Более или менее прожаренное снаружи и полусырое внутри, мясо показалось ему невероятно вкусным. Он ел и чувствовал, как блаженное ощущение сытости разливается по всему телу. Скоро он насытился. Остатки дурмана, все еще бродившие в нем, и тепло костра, и набитый желудок – все вместе действовало усыпляюще. Ансар еще хотел сказать что-то матери, что-то про черные врата, но, не в силах бороться со сном, завалился на спину.

Посреди ночи Ансар вдруг проснулся и услышал задорный храп брата. Он приподнялся и оглянулся. Оказалось, что он так и спал у костра, кем-то заботливо укрытый звериной шкурой. Рядом, раскинув во сне руки, лежал Агнар. Ни матери, ни Брюнгерды видно не было, но в хижине виднелся слабый свет, и Ансар подумал, что они обе ночуют там. Успокоившись, он почесал бок и, укутавшись погоднее, снова завалился спать.

* * *

Ансар вскочил на ноги и беспокойно огляделся. Потом вспомнил, где он, и, прогоняя остатки сна, потер лицо. Снова огляделся – уже начинало светать, но густой туман, клубившийся над болотом, не давал возможности рассмотреть хоть что-нибудь дальше Черного холма. Агнар сидел невдалеке и точил засопожник.

– Где мать? – спросил у него Ансар. – И где Брюнгерда?

– Они еще до рассвета ушли, решили пройтись за какой-то своей надобностью.

– Какой такой надобностью?

– А я почему знаю? – пожал плечами Агнар, продолжая сосредоточенно вострить лезвие ножа.

– Тебе не кажется, что это опасно? – встревожился Ансар. – Ведь им могут повстречаться люди Ведерхатта. Кто знает, как глубоко проникли swei в наш лес?

Но Агнар оставался совершенно спокоен и, проверяя пальцем заточку, ответил:

– Колдунья знает болото как свои пять пальцев, скорее она заведет врагов в гиблое место, чем попадет к ним в руки. Так что с ней наша мать может чувствовать себя в безопасности.

Ничего не оставалось делать, как только ждать, когда объявятся Ранвейга с Брюнгердой. Время тянулось медленно, заняться было совершенно нечем, и братья принялись отрабатывать приемы владения мечом. Скоро болото огласилось звоном оружия. Агнар орудовал мечом франков, и Ансару представилась прекрасная возможность оценить все его преимущество перед оружием, выделяемым местными мастерами. За счет большей длины клинка Агнар держал младшего брата на приличном расстоянии и, не давая ему приблизиться, сам постоянно угрожал то верхним, то боковым ударом. Впрочем, братья фехтовали без доспехов и щитов, которых у них и в помине не было, а потому действовали не в полную силу и предельно осторожно, дабы ненароком не поранить друг друга. Они несколько раз сходились, и каждый раз Агнару удавалось обозначить разящий удар. От досады Ансар махнул мечом и срубил верхушку тоненького деревца, пытавшегося вытянуться на спуске с холма.

– Остановись, Ансар! Что ты делаешь? – объявившаяся вдруг ниоткуда Брюнгерда подбежала к деревцу и принялась рассматривать нанесенное ему повреждение.

– Я не сделал ничего особенного, – пожал плечами Ансгар. На самом деле он был рад, потому что вслед за колдуньей на холм поднялась его мать.

– Вам, молодым воинам, незачем больше оставаться здесь. Вы склонны к разрушению, – не успокаивалась Брюнгерда.

– Это же всего лишь дерево!

– Сын, ты неправ, – вмешалась Ранвейга, – да, мы используем все, что произрастает из земли, для своих нужд, но нельзя пренебрежительно относиться к дарам Фрейи!⁵ И нельзя калечить деревья ради потехи!

Ансгар виновато опустил голову.

– Где вы были? – раздался голос Агнара.

– Нам нужно было подготовить вас в путь. Кто знает, что вас ожидает в ближайшее время и как надолго вы уходите? – с нотой печали произнесла Ранвейга. – Поэтому мы собрали для вас, что было можно. Жаль, сейчас не та пора года, когда произрастают нужные травы и грибы. К счастью, Брюнгерда готова поделиться с вами своими припасами. Некоторые можно применять только свежими, но многие сохраняют свои целебные свойства и в сушеном виде.

Как только речь зашла о травах, на лицах братьев сразу отобразилась скука, и мать решила поговорить об этом после, когда все будет готово. Колдунья удалилась в хижину, все еще ворча себе что-то под нос, а Ранвейга с сыновьями сели завтракать.

– Мама, расскажи о Брюнгерде, – попросил Ансгар.

Ранвейга скривилась, но, немного помолчав, все-таки заговорила:

– Это не самая интересная история, но раз уж мы пришли в это место, вы имеете право ее знать. Мы с Брюнгердой были еще маленькими девочками, когда ваш дед Агвид с семьей поселился неподалеку. Мы обе сразу влюбились в юного Ансвара, и каждая из нас мечтала выйти за него замуж. Но когда пришла пора подыскать мне мужа, родители нашли другого жениха, а Ансвару обещали Брюнгерду. Не передать словами, в каком горе я была, сестра же, наоборот, радовалась. Но в тот самый день, когда Ансвар пришел просить руки Брюнгерды, стало известно, что мой жених погиб на охоте. Из-за этого необходимо было отложить свадьбу моей сестры и Ансвара до тех пор, пока меня, старшую сестру, не выдадут замуж. Тогда родители сказали Ансвару: «Твой вины в случившемся нет, и ты не должен от этого страдать. Поэтому мы готовы вопреки обычаю отдать тебе Брюнгерду уже сейчас». Но Ансвар сказал: «Я не привык нарушать обычаи предков, первой должна обрести мужа Ранвейга, а потому я прошу у вас ее руки». Оказалось, что из двух сестер он сразу, еще в детстве, выбрал меня, но воля моих родителей едва не стала преградой нашему супружеству. И только случай, гибельный для моего первого жениха, но воистину счастливый для меня, свел нас воедино. Другой стороной моего счастья стало горе Брюнгерды. На следующий день после сватовства Ансвара она вдруг исчезла. Несколько дней мы ее искали, но не нашли, а потом она сама неожиданно объявилась и сообщила нам, что отныне будет жить на Черном холме и постигать чародейские премудрости под руководством старой колдуньи. Никто – ни мать с отцом, ни я – не сумели ее переубедить. Со мной она вообще говорить не хотела. Так она покинула нас. С тех пор и до вчерашнего дня я ее не встречала и не знала. Вы видели, как мы встретились – словно враги. Но все-таки с той поры утекло много воды и боль в ее сердце улеглась, мы примирились. Прошлой ночью, пока вы спали, мы много беседовали. Она рассказала мне, почему оказалась здесь. После того как Ансвар предпочел ей меня, она побежала к старой колдунье, замыслив злое, хотя еще и не знала, что именно. То ли отравить Ансвара, то ли отравить меня, а Ансвара опоить приворотным зельем, то ли погубить нас обоих. Но старая колдунья была умной женщиной – она предсказала Брюнгерде гибель, если та вздумает мстить нам с Ансваром. Вместо этого она предложила сестре иную судьбу – стать ее ученицей. Надо сказать, что на

⁵ Фрейя – богиня любви и войны.

Черном холме испокон веков жила колдунья. Ею могла стать любая женщина, но колдунья всегда должна была быть. Секреты Черного холма передавались из поколения в поколение, однако старая колдунья, хотя уже подошла к пределу своего земного существования, так и не нашла себе преемницу. Тут-то и появилась моя сестра, и старуха сделала все, чтобы удержать ее у себя. Брюнгерда была еще совсем юна и легко поддавалась на уловки прежней хозяйки Черного холма. Потом старуха умерла, и Брюнгерда стала ее наследницей. Одна беда: сестра не успела обучиться всем чарам, и часть древней магии оказалась утеряна.

Ранвейга замолчала, и какое-то время все трое сидели в тишине. Впрочем, Агнара эта история, кажется, не сильно заинтересовала и гораздо большее внимание он уделит остаткам завтрака. Ансар же всерьез задумался. Ведь если толком поразмыслить – насколько все могло быть по-другому, не произошёл тот несчастный случай с первым женихом матери. Вообще как-то неприятно было думать о том, что у нее мог быть иной мужчина, кроме отца. Но если бы мать и вправду вышла замуж за другого, а отец женился бы на Брюнгерде? Он, Ансар, чьим бы был ребенком? Сыном Ранвейги от какого-то неизвестного ему мужа или сыном Брюнгерды от Ансара? Впрочем, наверно, тогда бы это был вовсе не он, а кто-то другой. Может, его и называли бы иначе. Эти странные мысли оказались прерваны колдуньей, которая, выйдя из хижины, подошла к ним и строго произнесла:

– Все готово. Вам пора собираться в путь.

Сборы были недолгими. Братья подпоясались, взяли небольшой запас пищи, которым поделилась с ними Брюнгерда, а также приготовленные ею снадобья. Колдунья вместе с матерью принялись объяснять им, что и как применять. Агнар все откровенно пропускал мимо ушей, Ансар же, сделав над собой усилие, постарался вникнуть в премудрости врачевания. Заметив, с каким вниманием он слушает, Брюнгерда с Ранвейгой полностью переключились на него, и Агнар, облегченно вздохнув, отошел в сторону.

– Ты все запомнил? – спрашивала Брюнгерда, и Ансар утвердительно кивал. – Смотри, ничего не перепутай! Если травы будут применены неправильно, вместо того чтобы излечить, они могут быть смертельно опасны!

– Я все понял, – ответил Ансар и стал, показывая пальцем на снадобья, говорить: – Это жевать, это варить и пить, это прикладывать, это втирать.

– Хорошо, – одобрительно кивнула колдунья, – но ты должен запомнить не только что с ними делать, но и в каком количестве. Если применять их недостаточно, они будут совершенно бесполезны, а если с избытком, то...

– Они могут быть смертельно опасны! – с улыбкой повторил Ансар.

– Правильно!

– Только ничего смешного в этом нет, – добавила Ранвейга, – не шути с этим и делай все только так, как научила тебя Брюнгерда.

– Да, мама, я все понял. – И Ансар поднял свои честные умные глаза.

Посмотрев на него, Ранвейга как-то всхлипнула и тихо промолвила:

– Надеюсь, вам не придется прибегать ко всем этим средствам.

Ансар приобнял ее за плечи:

– Не волнуйся, мама, все будет хорошо! Мы вернемся живые и здоровые и заберем тебя отсюда!

Оборужились. У Агнара, помимо франкского меча, были нож-засопожник и топор. Ансар заткнул за пояс с одной стороны короткий меч, а с другой – маленькую секиру из тех, что берут с собой в лес для рубки дров. Ни доспехов, ни щитов у них не было. Даже лука со стрелами не оказалось – сгорел на погребальном костре. Они посмотрели друг на друга, и обоим стало ясно, что в таком виде не стоило и думать выходить против свеев. Но делать было нечего, наставала пора прощаться с Черным холмом.

Брюнгерда взялась снова провести их через болото. Мать, откладывая момент расставания, тоже пошла с ними. Скоро все четверо снова стояли на том же месте, на котором встретились накануне. Братья повернулись к двум женщинам, ожидая прощальных слов. Первой их произнесла Брюнгерда:

– Агнар и Ансар! Хотя обстоятельства, которые привели к нашей встрече, ужасны, я была счастлива увидеть вас, детей Ансвара. И мне жаль так скоро снова с вами разлучаться. Но вы молодые воины, и не вам прятаться от опасности в такой глуши, как мой дом. Я ведаю – я это зрела – каждому из вас еще предстоит долгий жизненный путь, и, как знать, может быть, мы еще увидим друг друга. Но в то же время вам придется через многое пройти, и, беспокоясь о вас, я не могу остаться в стороне. Я дарю вам эти амулеты, носите их всегда с собой, и мои чары будут на вашей стороне, отводя беду, сглаз и порчу. – С этими словами она достала из сумы какие-то вырезанные из рога фигурки на шнурках и повесила их каждому брату на шею.

– Благодарим тебя, Брюнгерда! – отвечали ей братья. – Мы не забудем ни твоего гостеприимства, ни твоей помощи!

– Дети! Сыновья мои! – заговорила Ранвейга. – Тяжесть лежит на моем сердце... Я чувствую, что наше расставание будет долгим. Заклинаю вас, берегите себя! Пожалейте мать, родившую вас! А теперь я хочу получше запомнить ваши лица. – С этими словами она поднесла руки к лицу Агнара, и ее глаза забегали, рассматривая все черточки, все линии. Потом она обняла старшего сына и отпустила. Настал черед Ансгара. Он почувствовал на своих щеках ее ладони и увидел наполненные влагой очи матери. Ранвейга смотрела на него, а он на нее. Он тоже хотел запомнить. Только сейчас Ансар понял, что его мать уже далеко не молода. Или она так постарела за эти два дня? Глубокие морщины на челе, горькие складки в углах рта, тусклые, потерявшие прежнюю свежесть волосы. Только голубые глаза светились так же, как прежде. Горло сжалось, мешая Ансару дышать, и он невольно отвернулся. Мать коротко обняла его, а затем, отступив на два шага, стала рядом с Брюнгердой и строго добавила:

– И не забывайте вашего долга перед отцом! Позаботьтесь о его прахе.

– Мы исполним все, как положено. Идем, брат! – С этими словами Агнар повернулся и, не оборачиваясь, направился в глубь леса.

Ансгар еще на мгновение задержал взор на двух женщинах, оставшихся стоять на краю болота, повернулся и поспешил вслед за братом.

* * *

Сыновья Ансвара решили идти к своим соседям, посмотреть, что происходит у них. Старый Видбьёрн с семейством жил в четырех ордрагах⁶ от их сгоревшего дома. Раньше он часто ходил на охоту с их дедом, потом с отцом. С Ансаром и Агнаром ходили уже его сыновья. Правда, из четырех ражих парней, выросших под присмотром Видбьёрна, двое старших подались за море вместе с Рагнаром Лодброком, и с тех пор о них ничего не было слышно. Третий, Невбьёрн, уже успел жениться, но не стал ставить себе отдельный дом, а по-прежнему жил с отцом. Младший, именем Халльбьёрн, увалень, с детства одаренный великой силой, был на пару лет младше Ансгара и с ранних лет стал его другом. Повзрослев, они начали вместе ходить на охоту. Была у Видбьёрна и дочь, совсем еще юная Рунфрида, к которой Ансар уже начинал приглядываться.

Шли осторожно, поминутно ожидая встретиться со сваями, а потому большую часть времени молчали. Но никаких признаков присутствия чужаков заметно не было. Потому, немного успокоившись, Ансар позволил себе расслабиться и отвлечься на лезшие ему в голову мысли. Беспокоило его многое, и он хаотично перебирал тревожившие его думы. Здесь были и смерть

⁶ Ордраг – максимальное расстояние полета стрелы, около 500 метров.

отца, и расставание с матерью, и угроза с севера, и жажда борьбы, жажда мести. Он в красках представлял, как встретится с конунгом свеев, как победит его в схватке, как сокрушит его мечом – при этом он видел в своей руке меч франков – и сердце Ансгара наполнялось яростью. Потом он вспомнил Брюнгерду и ее пророчество. Оно, как и предупреждала колдунья, было темно, будущее оставалось для Ансгара таким же неясным, как и прежде. Странно, но они до сих пор не обсудили пророчества с братом.

– Скажи мне, Агнар, что поведала тебе Брюнгерда?

– Я, по правде сказать, не очень понял смысл ее слов, – ответил Агнар, как-то безразлично пожав плечом.

– А все-таки? Я тоже не совсем понял, но, может, сравнив твое и мое пророчества, мы сможем что-то разобраться?

– И что же сказала тебе колдунья?

Ансгар повторил пророчество.

– Надо же! – присвистнул Агнар. – Равен богам! Это хорошее предсказание.

Сказав так, Агнар молча пошел дальше. Ансгару показалось, что старший брат не хочет открывать ему собственную часть пророчества, но своей-то он поделился!

– Стой, брат! Так что сказала тебе Брюнгерда?

Видно было, что Агнар по-прежнему не желал говорить, но, уступая настойчивости младшего брата, нехотя ответил:

– Как и тебе, она предрекла мне путешествие. Про богов ничего не говорила, но зато упомянула богатство, к которому я в конце концов приду. Большого я тебе сказать не могу. Там было так дымно и душно, что у меня зашумело в голове и я не все ее слова разобрал.

Странно было слышать это от Агнара. Кажется, впервые в жизни он не был по-настоящему честен с братом, но Ансгар не стал выпытывать, что тот от него скрывает. Он пожалел, что так легко открыл Агнару свою тайну. Да, пророчество Брюнгерды следовало бы хранить в тайне – даже от родного брата.

Наконец они вышли на поляну, на которой должен был стоять дом Видбьёрна. Но дома не было. Вместо него братья увидели уже знакомую картину пепелища. Они подошли ближе и заметили сначала одно тело, потом другое. С горечью приходилось признать, что семейство Видбьёрна погибло. Первым они нашли юного Халльбьёрна. Видно было, что минувшей ночью к нему уже подходило оголодавшее за зиму зверье, но, даже обезображенного, его легко было узнать благодаря мощному телосложению. За следами зубов просматривались многочисленные рубленые и колотые раны. Их было даже слишком много: видимо, свеям не так-то просто оказалось справиться с Халльбьёрном и он оказал им ожесточенное сопротивление. Невдалеке от него лежало тело старого Видбьёрна, тоже объеденное. Подойдя ближе к остаткам усадьбы, братья натолкнулись на Невбьёрна. Он был мертв, но, видимо, запах пожарища отпугнул падальщиков, и его тело осталось цело, только в груди зияла страшная рана. Агнар в задумчивости отошел в сторону и стал бродить по поляне, выискивая что-то на подтаявшем за последние дни снегу. Ансгар же бросился к пепелищу. Его поразил вид обугленных дверей, оставшихся стоять, хотя стены с обеих сторон рухнули. Неужели его долгий путь завершен и вот они – черные врата? Но думать об этом было некогда, и Ансгар принялся разбирать обгорелые завалы. Очень скоро он натолкнулся на обугленное тело – судя по всему, это была жена Невбьёрна. Ансгар живо представил себе, как, увидев гибель мужа и ожидая себе еще более жестокой и позорной участи, она сама бросилась в пламя. Весь перемазавшись сажей, он продолжил искать и перерыл сгоревший дом вдоль и поперек, но больше никого не находил. В его сердце зародилась слабая надежда, но следовало еще поискать в ближайшем лесу.

Агнар с удивлением смотрел, как его младший брат мечется из одного конца поляны в другой, как то пропадает в лесу, то снова из него выныривает. Наконец, радостный, Ансгар подбежал к Агнару и возвестил:

– Ее нигде нет!

– Кого?

– Рунфриды! Она спаслась!

Агнар вспомнил, что его младший брат был влюблен в эту действительно красивую девочку, и ему горько было его разочаровывать, но он сказал:

– Не думаю, что она спаслась.

– Почему, брат? Она непременно жива! – все еще не теряя веры, твердил Ансгар.

– Может быть, и жива, но в таком случае, скорее всего, она взята ими в плен, и тогда судьба ее незавидна. – Агнар отвел взгляд, так больно было в этот момент смотреть на лицо брата. – Судя по следам, которые я заметил, тут было человек двадцать и она попала к ним в лапы.

Ансгар устало сел на бугорок. Ни плакать, ни кричать, ни даже пуститься в погоню за насильниками и отбить бедную Рунфриду – ему не хотелось ничего. Плакать было стыдно и глупо, кричать – бесполезно, а сражаться за девушку... Была ли она теперь девушкой? Ансгар чувствовал себя так, словно ему плюнули в самую душу. Но старший брат не дал ему окончательно погрузиться в апатию, ведь следовало еще позаботиться о погибших, а солнце уже клонилось к закату и времени у них оставалось мало. Молча братья взялись за топоры и принялись рубить лес для погребальных костров. Ансгар яростно врубался в плоть деревьев, словно пытался выместить на них всю накопившуюся за последние два дня злобу. Предать огню предстояло целую семью, и братья выбивались из сил, чтобы подготовить необходимое количество дров, не давая себе передышки даже на малое время. Голодные, злые, мокрые от липкого пота, с дрожащими от долгого напряжения руками, они зажигали погребальный костер уже глубокой ночью, при свете звезд. Пока пылало пламя, они нашли в лесу подходящий валун и перетащили его к месту погребения. Затем, не дожидаясь, пока погаснут последние огоньки кострища, кое-как забросали останки семьи Видбьёрна мерзлой землей, что тоже было непростым делом, ведь у них не было заступов. Наконец, уже при первом утреннем свете, на вершину насыпанного кургана заволокли валун и, окончательно обессилив, завалились спать у его подножия.

* * *

Ансгар вздрогнул и проснулся. Агнар был уже на ногах, хотя вид имел довольно помятый. Он протянул руку брату, помогая ему встать:

– Пора, брат! Наше счастье, что нас тут не нашли. Свет костра должен был быть виден далеко.

Поднявшись, Ансгар почувствовал, как все тело ломит, а голова идет кругом. Ему захотелось тут же снова лечь и заснуть, но он превозмог себя и, разогнав сон, ощутил звериный голод. Ансгар полез в суму, однако тут же услышал голос Агнара:

– Перекусим по дороге. Надо идти.

– Куда же мы пойдем теперь, брат? – устало спросил Ансгар. – К Хейнреку Толстому? К Реву Хитрому? Что мы там будем делать? Возжигать новые костры?

– Нет, – строго ответил Агнар, – если так дело пойдет, нам придется погребать всю округу. Идем к Большому дубу.

Большой дуб стоял исполином на великой поляне в самом сердце леса. Раз в году, а в особых случаях и чаще, здесь собирались на тинг вольные лесные жители, с тем чтобы поделиться новостями и обсудить свои проблемы. На этом же месте в случае опасности собиралось ополчение и избирался его предводитель. Если где и могло возникнуть сопротивление вторжению свеев, то именно здесь. Но путь к Большому дубу был неблизкий, и братьям пришлось спешить в надежде, что они успеют присоединиться к лесному воинству до решительного столкновения с дружиной Эрика Анундсона. В то же время угроза неожиданной встречи

со свеями заставляла их быть предельно осторожными. Они обходили стороной все знакомые им усадьбы, но не только и не столько из-за опасения натолкнуться там на вражеский отряд, сколько не желая обнаружить мертвецов. Долг перед погибшими заставил бы братьев предать их огню, а это означало потерю драгоценного времени.

К концу второго дня с того момента, как они оставили дом Видбьёрна, когда пройдено уже было больше половины пути и пора было подумать о том, чтобы устраиваться на ночлег, Ансгару показалось, что он слышит чьи-то голоса.

– Агнар! – позвал он шепотом брата, и уже по этому шепоту тот понял, что что-то неладно, и тоже наострил уши.

Теперь они оба отчетливо слышали оживленную беседу на несколько голосов, причем, судя по звуку, говорившие двигались в их сторону. Держа наизготове мечи, братья затаились за деревьями и, дрожа от предвкушения скорой схватки, поджидали, пока те подойдут поближе. И в тот миг, когда Ансгар уже готов был выскочить навстречу врагам, один из голосов показался ему до боли знакомым. Он сделал рукой предостерегающий жест брату, призывая его немного подождать, и прислушался. Похожим голосом обладал Ульвар, сын Фастульва, живший в доме у Белого озера. Он был ровесником Ансгара и отличным охотником. Иногда, когда Ансгар с Агнаром и покойный Халльбьёрн уходили в лесную глушь на несколько дней, он присоединялся к ним, и тогда охота обязательно бывала удачной.

– Ульвар Фастульвсон! Ты ли это? – крикнул Ансгар.

Голоса замолкли, и Ансгар уже было пожалел, что обнаружил себя, когда с облегчением услышал:

– Да, так меня зовут. Теперь назови себя, а еще лучше покажись.

Братья вышли из-за деревьев и в свете первых звезд увидели четырех человек. Один из них радостно закричал:

– Ансгар! Агнар! Вы ли это? Я уже думал, что никогда не увижу вас живыми.

Ульвар, молодой статный парень с мужественным лицом, которое украшала аккуратная борода, поочередно обнял братьев, а затем представил их своим спутникам. Ими оказались Бильд Брандсон с северной окраины, удивительно схожий своей внешностью с Ульваром, так что их можно было даже принять за братьев, но с каким-то горящим взглядом редких в этих краях карих глаз и странным, будто печальным, выражением лица, делавшим его старше, чем он был на самом деле; друг Бильда Ивар Сигфуссон, высокий, худой, с мягкими, почти женственными чертами лица, как у сказочного светлого альва⁷; а также Ормар Фариссон с побережья, крепкий, хорошо сложенный, с обветренным лицом, которое портила примостившаяся на носу родинка, да еще хитрый взор широко расставленных желтых глаз. Между прочим, единственный из всей компании, Ормар был облачен в доспех, хотя и простейший, а за спиной у него болтался круглый щит.

– Как вы здесь оказались и куда держите путь? – поинтересовался Ульвар.

Братья вкратце рассказали свою историю. Ульвар и его товарищи сочувственно покивали головами, услышав о гибели Ансгара и семейства Видбьёрна. Когда же Агнар только заикнулся о том, что они направляются к Большому дубу, Ульвар резко прервал его:

– К дубу идти нельзя!

– Почему? – в один голос спросили братья. – Разве там не собирается ополчение, чтобы сразиться со свеями?

– Увы, – печально промолвил Ульвар, – никакого ополчения не будет. Эрик Ведерхатт со своей дружиной первым делом направился именно на место тинга, чтобы захватить наше

⁷ **Альвы** – согласно скандинавской мифологии, раса, созданная богами-асами из червей, заведшихся в мясе великана Имира, прекрасные нестареющие существа, владеющие магией и покровительствующие силам природы.

священное кольцо⁸, и уже оттуда стал рассылать свои отряды по лесу, требуя признать его своим конунгом.

– Кто же признает его власть, если свеи убивают всех встречаемых бондов? – недоуменно поднял бровь Ансгар.

– Не всех, а только тех, кто отказывается подчиниться, – с горечью в голосе проговорил Бильд, – да и то, насколько я слышал, из всех его ярлов лишь один, именем Бреки, проявляет особую жестокость.

При упоминании этого имени братья переглянулись: Бреки значит «разрушитель». Оба вспомнили слова Брюнгерды, сказанные ей о человеке, погубившем их отца. Между тем Ульвар в свой черед рассказал о собственных злоключениях. Как и Агнар с Ансаром, он был на охоте, когда к ним в дом заявились свеи. Но ему повезло больше, а точнее – покладистее оказался его отец. Он согласился идти к Большому дубу и там признать власть конунга свеев. Узнав об этом от других членов семьи, которые все, хвала богам, остались целы и невредимы, Ульвар поспешил за отцом, надеясь его переубедить, но не успел: тот уже принес клятву верности Эрику. Скрываясь от шнырявших повсюду свеев, Ульвар улучил момент и незаметно для врагов сумел переговорить с отцом, но тот и слышать не хотел о сопротивлении. Наоборот, со стыдом рассказывал теперь Ульвар, отец призывал и его подчиниться Эрику. Так поступили уже многие, значительное число которых просто попало в ловушку. Узнав о вторжении свеев, они спешили к Большому дубу, думая вступить в ополчение, но здесь попадали в руки к свеям и должны были либо признать власть Эрика, либо стать его рабами, рискуя больше никогда не увидеть своих семей. Ульвар не хотел ни того ни другого и потому принялся рыскать по округе, надеясь еще встретить тех, кто готов сражаться. Так он натолкнулся на Бильда и Ивара. Оба жили на северной окраине, первой подвергшейся вторжению, а потому оказавшейся менее всего готовой к организованному сопротивлению. Они поспешили на юг, предупреждая всех на своем пути об идущих вслед за ними свеях, но Эрик вел свою дружину слишком стремительно. К тому моменту, как он подошел к Большому дубу, здесь собралась едва ли десятая часть лесных воинов, в том числе и Бильд с Иваром. В короткой схватке взяли верх свеи, имевшие значительное преимущество в числе воинов. Большая часть из тех, кто рискнул сразиться с Эриком, погибла. Бильд и Ивар оказались одними из тех немногих, кому удалось спастись. Оставшиеся либо поспешили к своим домам, либо, побродив какое-то время по лесу, выходили к Большому дубу и клялись в верности конунгу Эрику. Очень скоро их снова осталось двое. Тут-то и встретили они Ульвара.

Настала очередь Ормара поведать свою историю. Оказалось, что в конце зимы он вступил в дружину Бальдра, сына Торвальда, по прозвищу Кривой. Бальдр давно собирался уйти в Остервиг, но у него было мало людей. Поэтому он послал Ормара и еще несколько человек, с тем чтобы призвать под свое знамя вольных бондов, готовых оставить мирный труд и стать на путь викинга. Ормар попал в самую гущу событий и едва не угодил в руки свеев, но вовремя сориентировался и сообразил, что если когда и появится достаточное число людей, готовых покинуть родную землю, то именно сейчас. Первыми, кто согласился пойти с ним, как раз и стали Ульвар и Бильд с Иваром. Ормар надеялся завербовать кого-нибудь еще, но ему стоило поторопиться, потому что, утвердив свою власть в лесу, Эрик наверняка повернет к побережью.

– И вы решили уйти, оставив нашу землю в руках конунга? – удивленно спросил Ансгар. – Неужели вы не хотите отомстить ему?

– Поймите, – принялся объяснять Ульвар, – сейчас сопротивляться свеям мы не можем. То есть, конечно, можем, но без надежды на успех. Большая часть жителей леса уже признала власть Эрика, многие из тех, кто пытался сопротивляться, погибли, как ваш отец. Есть еще

⁸ В древней Скандинавии существовал обряд принесения клятвы на кольцах, хранившихся в священных местах.

какое-то количество людей, готовых сразиться со свейми, но они рассеяны и бродят по лесу поодиночке или небольшими группами, как мы. И даже если бы удалось собрать их всех вместе, этого не хватило бы для того, чтобы противостоять воинству Эрика.

– Не подумайте, что мы вовсе отказываемся от дальнейшей борьбы, – заговорил Ивар, – мы только откладываем ее на короткое время. Эрик не сможет постоянно держать здесь свою дружину, скоро он уйдет. Очень скоро – может, уже к зиме, может, следующей весной – наш народ поймет, как тяжела рука конунга, и будет готов поднять восстание. Тогда-то мы и вернемся.

– А тем временем, – подхватил Ормар, – у нас будет прекрасная возможность разбогатеть, ведь, по слухам, правители Остерланда хорошо платят своим воинам. И когда придет пора возвращаться, мы будем лучше вооружены. К тому же у нас будет водиться звонкая монета, а значит, можно было бы даже самым нанять какое-то число воинов для войны с Эриком.

– Во всяком случае, это лучше, чем наше нынешнее положение, – заключил Бильд.

– Идемте с нами, – предложил Ульвар, – отправимся в Остервиг вместе. Вместе же вернемся назад и будем мстить конунгу Эрику.

– Имя Бальдра пока мало известно, – добавил Ормар, – но он великий воин, и многие пророчат ему славу нового Рагнара Лодброка.

– А не слишком ли рано выходить в море? – догадался спросить Агнар.

– Рано, конечно, – отвечал Ормар, – но лед нынче держался недолго, так что можно рискнуть. Да и Бальдру неохота ждать, покуда swei нагрянут на побережье.

Что бы ни говорили эти четверо, Ансару казалось немыслимым покинуть родной лес сейчас, когда в нем хозяйничал Эрик со своими свейми, а кровь отца оставалась неотомщенной. Он полагал, что старший брат думает так же, но неожиданно услышал:

– Нам нужно обсудить это между собой.

– Конечно, обсудите, но не тяните с решением. Нам нельзя медлить, – ответил Ормар.

Агнар взял под локоть упирающегося Ансара и отвел в сторону.

– Брат, неужели ты всерьез думаешь бросить родную землю, в то время как на ней хозяйничает этот разбойник Эрик? – возмутился Ансар.

– Да, ты прав. Но прав и Ульвар с его новыми друзьями, – тихо, но жестко говорил Агнар, – сейчас нет возможности изгнать swee. Перед нами теперь очень простой выбор. Либо вступить в борьбу с Эриком и погибнуть – это не так плохо, ведь мы присоединимся к нашему отцу и войдем в число эйнхериев⁹, но в таком случае Эрик не будет изгнан и останется господином нашей земли. Либо на время уйти – чтобы потом победоносно вернуться!

– Но, Агнар, не забыл ли ты, что дело не только в войне со свейми? Дело в том, что кровь нашего отца требует отмщения! Уж не думаешь ли ты удовольствоваться выкупом за его гибель? И с кого ты его взыщешь?

– Я бы никогда не принял такого выкупа! – с гневом отверг Агнар. – Но кому мы будем мстить? Мы пока не знаем точно, кто именно убил отца.

– Ты слышал, что сказал Бильд? Бреки, несущий разрушение, – один из ярлов Эрика. Я уверен, это его отряд сжег наш дом и он убийца.

– Возможно, но не наверняка, – с сомнением произнес Агнар, – и потом, никто не говорит, что мы вовсе отказываемся от мести. Так же, как борьбу с Эриком, мы откладываем ее до нашего возвращения.

– Нет, Агнар, нет! – не хотел ничего слушать Ансар. – Как можем мы позволить себе отправиться в чужие страны, не исполнив долга перед отцом?

Кажется, эти слова младшего брата подали Агнару новую идею, и он вновь живо заговорил:

⁹ Эйнхерии – дружинники бога Одина, ждущие в Вальхалле дня Рагнарок.

– Брат! Наш первый долг перед отцом – позаботиться о его прахе, который мы все еще носим с собой. Помнишь, что сказала мать? Развезть его над морем. Ульвар и эти трое идут к побережью, значит, нам с ними по пути. Так?

Ансгар призадумался. Действительно, уже несколько дней они носили горшок с прахом отца, и пора было подумать об этой последней ниточке, удерживающей душу Ансвара в Мидгарде¹⁰. Увидев, что брат колеблется, Агнар добавил:

– В конце концов, не обязательно сейчас же соглашаться уйти с этим Бальдром. Дойдем до моря, позаботимся об отце, а уж там решим, что делать дальше. Может, все изменится и нам не будет нужды покидать нашу землю.

– Хорошо, пусть будет так, – сдался Ансгар.

И вот, уже вшестером, они двинулись к побережью. По дороге к ним присоединились еще четверо. Сначала Брунольв Вадиссон из числа речных жителей – невысокий, худощавый юноша с водянистыми глазами, бесцветными волосами, тонкими губами и длинным носом. Затем сыновья Кари из Темного бора – заросшие густой рыжей растительностью по самые глаза близнецы Раудкар и Лодинн, коренастые крепыши, похожие на ходячие бочки. И наконец, могучий Оддвар Ярниссон с ближних холмов – высокий, на целую голову выше всех прочих в этой компании, широкоплечий, с огромными тяжелыми кулаками, но при этом с рожей, сохранившей какие-то детские черты. Идти было довольно далеко, не меньше пяти дней пути. При этом запасов продовольствия практически не было. Хорошо, что у Ивара – единственного из всех в собравшемся отряде – оказался лук. Выяснилось, что Ивар превосходный охотник и способен попасть белке в глаз с пятидесяти шагов. Полезен оказался и Брунольв, ибо каждый раз, когда они проходили мимо какой-нибудь речушки или озера, этот парень ухитрялся едва ли не голыми руками выловить в ледяной воде пару рыбин.

Они шли к морю, а навстречу им двигалась весна. В этом году тепло пришло необычно рано, снег таял, грозя сделать лесные тропы непроходимыми. Кругом стояла сырость, и у всей компании промокла обувь.

– Если так пойдет дальше, мы совсем не сможем идти, – шмыгая носом, озвучил Ульвар мысль, тревожившую всех.

– Нам нельзя задерживаться! – обеспокоенно твердил Ормар.

На счастье, скоро приморозило, идти стало легче, но, с другой стороны, следовало хорошенько высушиться, иначе можно было отморозить пальцы ног. До моря оставался еще один переход, когда Ормар и ведомые им вольные бонды устроили полноценный роздых. Кое-как развели костер, сели вокруг и принялись сушить обувь. Поделившись в первый день пути новостями, в дальнейшем Ансгар и Агнар мало говорили со своими спутниками. Те тоже предпочитали молчать. Обстановка не располагала к разговорам. Но теперь, когда идти оставалось совсем немного, Ансгар решил задать Ормару один вопрос. Задавать его не имело бы смысла, если бы Ансгар продолжал отвергать саму возможность уйти в заморский поход, но, пока они шли к побережью, он много думал и исподволь начинал принимать точку зрения Ульвара. Чтобы окончательно решиться, необходимо было еще кое-что разузнать. И он спросил:

– Скажи мне, Ормар, что ты знаешь о Бальдре?

Ормар улыбнулся и начал рассказывать:

– В ту пору, когда я был ребенком, у нас на побережье все только и говорили, что о Торвальде. Торвальд был викингом, так же как его отец и дед. Он часто ходил в походы – и настолько успешно, что скоро снарядил три собственных корабля. В его дружине ходило две сотни людей, многие из которых были испытанными в многочисленных боях воинами. Во время одного из походов в земли франков он взял знатную пленницу и сделал ее своей наложницей. Она родила Торвальду сына, которого нарекли Бальдр.

¹⁰ Мидгард – обитаемый срединный мир, мир людей.

– Непростое имя¹¹, – вставил Агнар.

– Да, непростое. Но, по правде сказать, он мало походит на сына Одина, скорее на самого Одина. Когда он еще был младенцем, мать на время оставила его без присмотра. К нему подлетел ворон и выклевал левый глаз.

– Поэтому его и зовут Кривой? – догадался Ансгар.

– Именно. Но Бальдр не жалеет о том случае. Он уверен, что в виде ворона к нему спустился сам Один и, забрав глаз в залог, обещал ему удачу в будущих походах и битвах.

Раудкар хмыкнул и, подмигивая, пихнул локтем под бок Лодинна. Тот тоже весело засмеялся. Заулыбались и другие. Ормар посмотрел на них и с тихой угрозой в голосе сказал:

– Были люди, которые не верили в избранность Бальдра и смели насмехаться над его словами, но Бальдр заткнул им их смех в самую глотку. Он хороший воин, и я никому не советую с ним шутить.

– Еще посмотрим, так ли он хорош, как ты говоришь, – пробасил Оддвар.

– Будь уверен, он одолевал и не таких, как ты, отпрысков великанов. – При этих словах Оддвар довольно улыбнулся, он, кажется, любил, когда говорили о его росте. Ормар же продолжал: – Несколько раз во время битв на него нисходила сила богов, и он становился истинным берсерком. Тогда даже его собственным дружинникам было лучше находиться подальше, ибо он крушил и убивал всех на своем пути.

Ормар с удовлетворением отметил, что смешки замолкли, и теперь все слушали его с самым серьезным видом.

– Так вот, когда Бальдр подрос, отец стал брать его с собой в походы, но однажды, когда тому исполнилось уже пятнадцать зим, Торвальд велел остаться ему дома, потому что новый поход должен был быть слишком далек и труден. Как потом оказалось, Торвальд решил присоединиться к походу Рагнара Лодброка в Бретланд¹². Как вы все знаете, в тот раз викинги потерпели поражение, а Рагнар погиб. Полег и весь хирд¹³ Торвальда вместе с ним самим. Об этом стало известно только года через два, когда вернулся единственный из выживших дружинников Торвальда именем Барг. Так Бальдр остался один и без наследства. Ему пришлось начинать все с начала. Первым его дружинником и верным спутником стал тот самый Барг – он и сейчас словно правая рука Бальдра. На первых порах им двоим приходилось наниматься в чужие дружины простыми воинами, но постепенно Бальдру с помощью Барга удалось раздобыть собственный корабль. Только людей у него до сих пор было мало – кто-то из присоединившихся погибал, кто-то, не веря в судьбу Бальдра, уходил сам. Когда он направлял меня на поиски новых людей, у него было всего полторы дюжины человек.

– Не густо, – скептически произнес Агнар.

– Да уж! – крикнул Брунольв.

– Раньше ты нам об этом не говорил! – заметил Ульвар.

Остальные тоже зашумели, так что Ормару пришлось повысить голос, чтобы его услышали:

– Посмотрите друг на друга! Нас уже целый десяток. Если и другие приведут Бальдру столько человек, то не будет даже хватать мест на корабле! Так что ему еще придется выбирать, кого брать с собой, а кого нет.

– Слышал, Ансгар, нас, оказывается, могут и не взять, – шепнул Агнар младшему брату.

– А что за корабль? – спросил Бильд.

– Драккар.

– Значит, всего чуть больше полусотни мест, – заключил Ивар.

¹¹ В скандинавской мифологии **Бальдр** – сын бога Одина – был неуязвим, но погиб из-за коварства злого бога Локи.

¹² **Бретланд** – Британия.

¹³ **Хирд** – дружина.

– Не волнуйтесь, вам всем, как я вижу, по плечу путь викинга. – Ормар примиряюще улыбнулся. – Кроме того, я готов за каждого из вас поручиться.

– Я, кажется, начинаю догадываться, чего ты добиваешься, – сузил свои карие глаза Бильд. – Уж не думаешь ли ты, что твой Бальдр сделает тебя десятником?

Ормар пожал плечами:

– Что тут такого? Думаю, я это заслужил. Или ты не хочешь видеть меня своим десятником? Кто-то еще против меня? – спросил он, обращаясь уже ко всем.

Оддвар, почесав затылок, промычал:

– Я не против.

Другие повторили то же самое. Слыша это, Бильд безразлично обронил:

– Мне, в общем-то, все равно.

– Вот и хорошо. Значит, я веду Бальдру десяток, – довольно изрек Ормар.

* * *

Наутро Ормар и ведомый им десяток продолжили свой путь. Когда они к концу следующего дня подходили к границе леса, за которой начинался песчаный берег Восточного моря, их окликнули:

– Стойте! Кто вы и куда идете?

– Это я – Ормар. Веду Бальдру целый десяток добрых воинов.

– А, это ты. – Из кустов вышел человек в шлеме, броне, со щитом и копьем. Он обменялся приветствием с Ормаром и сказал: – Бальдр тебя уже заждался. Иди к нашей стоянке, он там – спорит о чем-то с Баргом.

Вот оно, побережье. Глазам Ансгара предстала широкая полоса мерзлого песка, а дальше – накатывающее на берег холодными пенящимися волнами суровое Восточное море, сливающееся где-то там, вдали, с небесным сводом. Хмурое под стать морю небо было затянуто серыми облаками, сыпавшими на землю не то снег, не то дождь – неприятную мелкую морось. Ансар уже видел эту картину, ведь раньше они с отцом не раз бывали здесь, сбывая предприимчивым купцам шкуры лесных животных. В прежние годы побережье ему не нравилось, слишком много открытого пространства было вокруг, и родной лесной уголок казался ему уютнее и понятнее. Но теперь в раскрывшемся его глазам просторе Ансар увидел нечто новое, о чем прежде не думалось, – свободу, свободу направиться куда угодно, не встречая препятствий. Море не принадлежало никому, кроме самого себя, здесь заканчивалась власть любых конунгов и ярлов и начиналась воля мужей, решившихся на рискованное плавание. Нужен только корабль!

Но сейчас корабль был у одного Бальдра и, прежде чем подвергнуть себя испытанию морскими волнами, следовало заручиться его согласием. Слева от них, в сотне шагов, виднелся драккар, почти полностью вытасценный на берег. Рядом с ним, ближе к лесу, были разбиты палатки. Ормар, а вслед за ним и остальные направились туда. Ансар видел, как в лагере сновали люди, десятка три, если не больше. Значит, Ормар был прав и дружина Бальдра получила пополнение. Завидев их, навстречу им вышли двое. Один – муж средних лет с темно-русыми волосами и бородой, с суровым выражением лица, особой свирепости которому придавало изуродованное левое веко над пустой глазницей. Очевидно, это и был Бальдр Торвальдсон. Второй был намного старше и светлее, его волосы цвета соломы уже начинали седеть, а лицо избороздили глубокие морщины. При этом, как показалось Ансару, вид его был гораздо приветливее и даже что-то насмешливое скользило во взгляде многое повидавших глаз. На шее

у него висело тяжелое бронзовое украшение в виде Мельнира¹⁴. Таков оказался Барг, верный спутник Бальдра.

– Смотри, сын славного Торвальда, сколько воинов я тебе привел, – с гордостью в голосе провозгласил Ормар после короткого обмена приветствиями, – все это вольные жители леса, не пожелавшие признавать власть конунга свеев и готовые отправиться вместе с тобой на восток.

Бальдр медленно обвел единственным глазом всю компанию и наконец тяжело промолвил:

– Полно тебе, Ормар, ты уверен, что они воины? Способны ли они стать викингами?

После этих неприязненных слов на несколько мгновений воцарилось молчание. Не такого приема ожидали девять человек, поверивших обещаниям Ормара. Да и сам Ормар, кажется, был озадачен словами Бальдра. Но тут вмешался Барг:

– А, по-моему, эти парни вовсе не так уж плохи! Во всяком случае, ничем не хуже того сброда, что привели тебе Геслинг и Игуль. – Сказав так, он весело подмигнул и указал рукой на Оддвара: – Смотри, этот Ётунсон¹⁵ стоит пятерых свеев из дружины Ведерхатта.

– Оддвар, сын Ярни, – представил его Ормар.

– А сам он говорить не может? – со смехом спросил Барг.

– Могу, – раздался глубокий бас Оддвара.

– Что еще ты можешь? – все так же неприязненно спросил Бальдр.

Оддвар поудобнее взял свое копьё – единственное оружие, с которым он все это время ходил, – и метнул его в сторону леса. Пролетев не меньше пятидесяти шагов, копьё глубоко вонзилось в ствол ближайшей сосны.

– Ты видел? – присвистнул Барг.

– Хорошо, этого я беру, – уже мягче сказал Бальдр.

Оддвар довольно хмыкнул и пошел за своим копьём. Бальдр тем временем снова уставил свой тяжелый взгляд на оставшихся:

– Кто из вас еще способен на что-то?

Вперед выступил Ивар. Сняв с плеча лук, он, выхватив из тула одну за другой три стрелы, отправил их вслед Оддвару. Просвистев у того над головой, они воткнулись в сосну всего в дюйме от копьё – справа, слева и сверху.

– Мое имя Ивар, сын Сигфусса.

– Хорошо, – одобрительно кивнул Бальдр, и Ивар побежал доставать свои стрелы, водившиеся у него не в таком уж большом числе, а заодно извиняться перед Оддваром, который, судя по всему, был вовсе не доволен тем, что кто-то вздумал показывать на нем свое искусство.

– Видишь, Бальдр, – не унимался Барг, – твой верный Ормар тебя не подвел. И пусть сожрет меня Фенрир¹⁶, если из них не получится знатных викингов! Посмотри на эти рожи, – показал он на Раудкара и Лодинна, – да они одним только своим видом вселят страх в сердца наших врагов. Кстати, кого-то вы мне напоминаете. Кто ваш отец?

– Его имя Кари.

– Кари? Кари-кузнец? – воскликнул Барг.

– Он самый.

– Знавал я этого дверга¹⁷. Когда он со своим молотом выходил на бой, его противники сначала смеялись, смотря на него, а потом разлетались в разные стороны, так что потом едва

¹⁴ **Мельнир** – дословно «сокрушитель», оружие-молот бога Тора, обладавшее магическими свойствами. Его изображения были широко распространены среди скандинавов.

¹⁵ **Ётунсон** – дословно «сын великана».

¹⁶ **Фенрир** – порождение Локи, огромный волк, скованный цепью Глейпнир, от которой освободится в день Рагнарок и убьет Одина.

¹⁷ **Дверги** (карлики, гномы) – существа, которые, согласно скандинавской мифологии, обитают в горах или под землей, искусны в ремеслах, особенно в обращении с металлами.

могли собрать свои кости. Уверен, эти двое в бою будут не хуже своего отца. Я смотрю, у вас и молоты при себе, – обратился он к двум коренастым парням.

Раудкар и Лодинн подняли свое грозное оружие и, подойдя к небольшому валуну, лежавшему неподалеку, в два удара раскололи его на несколько частей. Осколки камня полетели в сторону Бальдра, и тот недовольно изрек:

– Камень не может дать сдачи.

– Дозволь взять их под мое слово, – обратился к нему Барг.

Бальдр немного посопел, но ответил:

– Пусть будет так.

Настала очередь Бильда. Выхватив свой меч, он принялся с невероятной скоростью вращать его вокруг себя и одновременно шагнул в сторону леса. Дойдя до того места, где песок переходил в жесткий дерн, он коротким, едва уловимым движением вогнал его в землю по самой рукоять. Но Бальдр остался невозмутим:

– Я тоже так могу.

– Вот именно! – похлопал его по плечу Барг. – Поэтому ты и считаешься лучшим воином на этом берегу.

– Не только поэтому, – нахмурил брови Бальдр, – но в общем ты прав. Беру и этого. А что можешь ты? – обратился он к Ульвару.

Ульвар отошел немного в сторону, взял в правую руку свою любимую секиру и легким взмахом метнул ее в небо. Вращаясь, она взлетела локтей на двадцать, на миг замерла и, продолжая вращаться, понеслась вниз. Ульвар небрежно словил ее левой рукой, перекинул обратно в правую и принялся крутить вокруг себя не хуже, чем Бильд вращал свой меч.

– Это Ульвар, сын Фастульва, признавшего власть Эрика, но сам он отказался клясться своею в верности, – произнес Ормар.

– Признавшего власть Эрика, говоришь? Уж не соглядатай ли он, подосланный Ведерхаттом? – подозрительно сощурил свой единственный глаз Бальдр.

– Ну что ты такое говоришь? Ведь если он теперь уйдет с тобой в Остервиг, как он будет сноситься с Эриком? – смеясь, отверг все сомнения Барг.

– Дело говоришь! Возьмем его с собой, тогда он точно не сможет снести с Эриком, – ухмыльнулся Бальдр, наблюдая, как ничего не подозревавший Ульвар продолжал вытворять фокусы с секирой.

Вслед за этим Бальдр и Барг вместе уставились на Брунольва, у которого, кроме ножа и пращи, никакого оружия не было. Поняв, что настала его очередь показывать свои способности, он просто сказал:

– Я умею плавать.

– Что ж, это ценное умение для викинга, – ободряюще сказал Барг, – но, может, ты можешь что-нибудь еще?

Брунольв почесал затылок, поднял один из осколков от валуна, разбитого Раудкаром и Лодинном, вложил его в свою пращу и принялся крутить ее над головой, подыскивая подходящую цель. На свою беду, над берегом пролетала чайка. Бросок – и несчастная птица рухнула в морские волны, и только перья ее на потеху ветру продолжили кружиться в воздухе.

Наблюдая, как его новые товарищи соревнуются перед Бальдром и Баргом в воинском мастерстве, и ожидая своей очереди, Ансар понял, что вот сейчас, вполне может быть, его возьмут в дружину и тогда уже скоро ему предстоит покинуть родину. Вдруг его поразила одна мысль, и, тронув Агнара за плечо, он тихо сказал ему:

– Брат, разве мы уже все решили?

– Да что тут решать? – сделал удивленное лицо Агнар. – Раз уж мы пришли сюда, зачем нам отказываться от такой возможности?

– Мы пришли сюда позаботиться об отце!

– Вот и позаботимся! Отплывем на корабле подальше в море и там развеем его прах, как и велела нам наша мать.

– Теперь ты вспомнил о матери. А ты не подумал о том, что мы оставляем ее одну в стране, захваченной свеями, даже не предупредив, куда мы направляемся? – Ансгара злило поведение старшего брата, который, казалось, так заразился идеей стать викингом, что забыл и о кровной мести, и о родной матери, и о войне со свеями. Но Агнар нашелся с ответом:

– Брат, ты преувеличиваешь. Да, мы ее не предупредили, но у нас не было времени на это, ты сам знаешь. Однако оставляем мы ее вовсе не одну, а под присмотром Брюнгерды. И в безопасном месте, куда свеи не сунут свой нос. Кроме того, вспомни, эта колдунья после гадания должна была приобрести способность следить за нашими перемещениями, а значит, мать не останется в неведении, где мы и что с нами.

Слова старшего брата если и не убедили Ансгара полностью, то, по крайней мере, развеяли некоторые сомнения. Но его раздражало, что тот уже принял решение за них обоих.

– Эй, вы двое! Что вы там шепчетесь? – раздался громкий голос Барга. – Вы хотите вступать в дружину доблестного Бальдра или нет?

– Да, хотим, – так же громко ответил Агнар и выразительно посмотрел на Ансгара.

– Подойдите сюда, – прорычал Бальдр.

Братья подошли ближе, и тут Бальдр заметил дорогой франкский меч Агнара. Его глаз загорелся жадным огнем.

– Откуда это у тебя? – спросил он так, словно меч украли у него самого.

– Это наследство моего отца и моего деда! – с достоинством ответил Агнар.

– Наследство? – решил уточнить Бальдр.

– Да, мой дед добыл его в походе в земли франков, затем передал моему отцу, а тот – мне.

– Твой дед был викингом? – заинтересованно спросил Барг.

– Он служил в дружине Анунда Упсале.

– А, еще один свейский соглядатай! – взревел Бальдр. – Ормар! Кого ты мне привел?!

– Подожди, Бальдр, не спеши с выводами, – бросился успокаивать его Барг, – дай объяснить парню, что он здесь делает.

– Рассказывать тут особо нечего, – спокойно отвечал Агнар, – мой дед ушел из дружины старого конунга и стал жить вольным охотником. Так же жил мой отец, пока его не убили люди Эрика.

– Видишь? Все легко объясняется, – продолжал увещевать Бальдра его помощник.

– Да, но кто подтвердит его слова? – оставался мрачен Бальдр.

Тут вмешался Ульвар:

– Я могу подтвердить! Я знаю Агнара с детства, мы были соседями.

– Ха-ха! Один лазутчик покрывает другого! – рассмеялся Бальдр, и, кажется, его веселость была искренней. Во всяком случае, еще раз бросив взгляд на меч Агнара, он великодушно изрек:

– Ладно, беру и этого. Ну а ты, – обратился он к Ансару, – что-то ты совсем не похож на викинга.

– Он мой брат! – Сказав это, Агнар стал плечом к плечу с Ансаром. – И он пойдет со мной!

– Здесь я решаю, кто идет, а кто нет! – снова начал злиться Бальдр.

Но тут вновь вмешался Барг:

– Брось, Бальдр! Я вижу, из парня выйдет толк. – Он внимательно поглядел на Ансгара и уже тише добавил: – Я бы даже сказал, этот малый нам еще очень и очень пригодится.

– Кулак турса¹⁸ тебе в бок, Барг! Будь твоя воля, ты бы и мертвого взял к нам в дружину. Впрочем, делай, как знаешь, но смотри, чтобы этот дренг¹⁹ тебя не подвел. – Сказав так, Бальдр отвернулся и пошел к лагерю.

Барг же подошел к двум братьям и приобнял их за плечи:

– Ну что ж, радуйтесь! Теперь вы поплывете в страну великанов!²⁰ Так, значит, вас зовут Агнар и Ансар? Ха-ха! Родители ваши не были горазды на имена. Надо бы дать вам прозвания, чтобы не путать, да только прозвание еще нужно заслужить. Пока буду звать вас Старший и Младший.

Довольный своей шуткой, он улыбался во весь набитый крепкими желтыми зубами рот. Агнар и Ансар переглянулись.

– Мы благодарны тебе за поддержку, – молвил Старший, – но Раудкар и Лодинн тоже братья, да к тому ж близнецы. Как ты будешь отличать их?

Ансгар уже знал секрет – у Раудкара в углу правого глаза был едва заметный шрам. Но Барг этого не знал.

– О, этих пройдох, сыновей славного Кари, я и вовсе отличать не берусь, – засмеялся он, и Раудкар с Лодинном, стоявшие рядом, тоже весело заржали, – буду обращаться сразу к обоим. И думаю, не ошибусь, потому что эти двое, как я погляжу, ничего не делают поврозь. Наверно, даже к бабам под юбку лезут на пару!

Близнецы засмеялись еще громче. Развеселились и все остальные, а сам Барг смеялся громче всех. Вдруг он резко острожел и уже без тени юмора сказал:

– Ладно, посмеялись – и хватит. Теперь идем в лагерь, у нас еще много работы.

Следующие несколько дней прошли в сборах. Возвращались последние из разосланных Бальдром воинов, приводили с собой новых людей. Наблюдая за их приемом в дружину, Ансгар понял, что по большому счету Бальдр только напускал на себя грозного виду и изображал придирчивость, а брал всех. Отказано было только троим, один из которых был вовсе юнец, а двое явились безоружными. Видимо, Бальдру приходилось мириться с тем, что он берет всех подряд, чтобы набрать нужное число людей. В итоге собралось шесть десятков. Ормар, как и надеялся, стал десятником над приведенными им людьми. Из запасов Бальдра Бильду и Агнару были выделены небольшие круглые щиты, а Раудкару и Лодинну достались шлемы, которые налезли только на их квадратные головы. Остальные из десятка Ормара остались с тем оружием, с которым пришли.

* * *

И вот вчера вечером от дозорных стало известно, что передовые отряды свеев уже близко. Бальдр велел скорее заканчивать сборы и утром отплывать. Барг возражал, потому что нутром, как он говорил, чуял непогоду, но дожидаться на берегу прихода самого Эрика тоже было неразумно. Теперь практически все приготовления закончились, и перед отплытием Ансгар хотел попрощаться с родной землей. Он, правда, не знал, как это делается, а потому просто стоял, смотрел по сторонам и втягивал ноздрями воздух, пытаясь запечатлеть в памяти лес, песок, чаек, запах моря – все, что в эту минуту казалось таким дорогим его сердцу.

– Пора, брат. – Это Агнар подошел к нему и положил руку на плечо. – Идем, надо спустить драккар на воду. И не горюй ты так! Мы еще вернемся.

Когда они подошли, Бальдр и Барг уже забрались на корабль и оттуда отдавали распоряжения остальным. Ор стоял невообразимый.

¹⁸ **Турс** – великан.

¹⁹ **Дренг** – мальчик, младший дружинник.

²⁰ Согласно скандинавской мифологии, великаны жили на востоке.

– Эй! А вы двое что там телитесь? Или боитесь замочить ваши ножки? А ну, быстро сюда, к правому борту.

Братья подбежали к кораблю, уже облепленному людьми со всех сторон, нашли свободное место и стали вместе со всеми толкать судно в море. Бальдр с одного борта, а Барг с другого одновременно выкрикивали: «Толкай!», и шестьдесят человек дружно напрягали все свои мышцы, пытаясь сдвинуть драккар с места. Сначала корабль не поддавался, он будто прирос к берегу. Но вот драккар медленно пополз и, ломая носом тонкий прибрежный лед, стал погружаться в воду, толкать становилось легче, и наконец последним рывком викинги загнали драккар в море, после чего стали сами на него вскарабкиваться. Ансар весь вымок до нитки, прежде чем сумел перебросить свое тело через борт. Глядя, как он дрожит, Барг весело проорал:

– Ничего, Младший! Сейчас и просохнешь, и согреешься. Давай на весла.

Действительно, ждать было нельзя. Чтобы разгулявшееся этим утром море вновь не вынесло корабль на берег, следовало поскорее отплыть подальше. Ансар плюхнулся на отведенное ему место и взялся за весло. Недавние лесные жители начали неумело грести, то сталкиваясь веслами, то цепляя ими по самой поверхности воды. Выпучив налитый кровью глаз, Бальдр весь исходил криком, ругая своих новых дружинников самыми последними словами и призывая на их головы проклятия асов и ётунов. Ансар старался не слушать, понимая, что теперь обижаться на сына Торвальда нет смысла, и пытался освоить новое для себя ремесло. Постепенно он приспособился, понял, как правильно двигаться. Другие тоже сообразили, что к чему, и вскоре тридцать пар весел вошли в общий ритм и стали дружно взмывать в воздух, а затем так же дружно опускаться в воду. Бальдр понемногу успокоился, хотя и продолжал ворчать.

Когда отплыли от берега на расстояние полета стрелы, Барг вдруг скомандовал:

– Подняли весла!

Не все сразу, но новоиспеченные викинги прекратили грести, хотя и не понимали, в чем дело. Драккар покачивался на волнах, и в повисшей тишине было слышно только, как вода бьется о борт да в небе кричат чайки. Барг обвел всех взглядом и сказал:

– Посмотрите на берег! Не каждому из вас доведется увидеть его еще когда-нибудь.

Все поднялись со своих мест и принялись рассматривать береговую полосу. Ансар подумал, что теперь самое время. Он достал посудину, в которой все еще томился прах его отца. Сидевший перед ним Агнар тоже встал и принял из рук младшего брата драгоценную ношу. Сняв крышку, он запустил внутрь руку и, вытащив целую пригоршню пепла, развеял его по ветру. Сделав так еще пару раз, Агнар передал прах Ансару. Ансар повторил его действия, а затем высыпал за борт остатки и в довершение бросил в воду сам глиняный сосуд. За две недели он уже, казалось, привык к тому, что отца больше нет, но в этот миг его горло вновь словно сжалось, так что трудно было дышать, как тогда – при свете погребального костра, на котором возлежал Ансвар, сын Агвида. К добру или к худу, но вместе с его прахом уходила в прошлое вся прежняя жизнь, открывая дорогу чему-то доселе неизведанному, о чем Ансар прежде и не помышлял.

Ансгар и Остервиг²¹

Лесные жители, и Ансгар в их числе, слабо разбирались в устройстве Мидгарда. Он знал, что на западе есть море и если его пересечь, то можно достичь островной страны, зовоимой Бретланд, – и многие бонды из северных стран, став викингами, направлялись именно туда, надеясь нагнать богатую добычу. А после того, как сыновья Рагнара Лодброка взялись мстить за его гибель²², в эту страну стали переселяться насовсем, в основном даны, и теперь, по слухам, у них там возникло целое королевство во главе с неким Гутрумом. Если направиться через море на юг, там будут земли франков, прекрасная цель для грабительских набегов. А рядом с ними – дикие племена вендов, взять у которых особо нечего, скорее сами они не преминут ограбить неосторожного путника. Ну а если пересечь Восточное море, то, как знал Ансгар, можно достичь Остерланда, где живут многочисленные родственные вендам племена, а также финские народы. Ни о тех, ни о других он ничего толком не ведал. По легендам же выходило, будто именно там, на востоке, жили великаны-ётуны – враги богов-асов. На этом познания Ансгара о странах за пределами Нордланда²³ заканчивались.

Между тем из того, что ему удалось услышать за последние дни, выходило, будто сначала Бальдр собирался вести свой корабль вдоль побережья между многочисленными в этих местах островами на север. Сын Торвальда полагал, что, поскольку Эрик Ведерхатт сейчас в Остергё-таланде, следовательно, вероятность встретить свейские корабли будет не так велика. Дальше Бальдр собирался доплыть до каких-то неведомых Ансгару островов, тянувшихся с запада на восток. Пройдя вдоль них, он намеревался достичь страны суоми, а затем, продвигаясь дальше на восток через Хольмский залив²⁴, достичь Остерланда.

Ну а сейчас Бальдр, чем-то очень обеспокоенный, бродил по драккару, ворча про себя очередные проклятия, пока, в конце концов, не устроился на самом носу, где стал вглядываться в небо. Все прочие, наблюдая за ним, тоже, волей-неволей, стали поглядывать вверх. Погода явно портилась, небо заволочло черными тучами, с которых все чаще падали крупные капли. Дул холодный северный ветер, использовать парус не было возможности, а грести становилось все тяжелее.

Барг, как мог, пытался успокоить гребцов. Он продолжал сыпать шутками и смеяться, излучая полную уверенность в том, что все идет лучше некуда. Время от времени он подменял то одного, то другого и сам брался за весло. Но даже неисчерпаемой бодрости Барга не хватало, чтобы поднять дух команды. Люди вяло отшучивались, тихо посмеивались, но продолжали тревожно смотреть на север, откуда ветер гнал все новые и новые тучи, одна грознее другой.

Ансгара гораздо больше беспокоили его собственные ощущения от непривычной работы гребца. Очень скоро плечи и спина его заныли, хотелось хоть на миг остановиться и расслабить натруженные мышцы, но нельзя было выбиваться из общего ритма, и Ансгар продолжал грести. Еще большее беспокойство доставляли ладони, которые словно горели огнем от постоянного трения о весло. Может, там уже были кровавые волдыри, но Ансгару было некогда даже посмотреть на собственные руки.

– Отдохни, Младший! – хлопнул его по плечу Барг и, перехватив весло, принялся энергично грести. Ансгар с удовольствием встал и потянулся, чувствуя, как кровь разливается по застывшему телу. Стоять на ногах оказалось не так-то просто. По морю гуляли уже довольно высокие волны, и драккар постоянно качало из стороны в сторону. Пошатываясь, Ансгар насла-

²¹ **Остервиг** – «восточный путь», т. е. путь в Остерланд – в восточную страну, Русь.

²² Рагнар Лодброк попал в плен и был казнен королем Нортумбрии Эллой II около 865 г.

²³ **Нордланд** – Скандинавия.

²⁴ **Хольмский залив** – Финский залив.

ждался коротким роздыхом и, подумывая, как бы его продлить, решил занять Барга беседой. Но, чтобы тот расслышал его за шумом бурлящего моря и свистом ветра, Ансгару пришлось прокричать свой вопрос:

– Скажи-ка, Барг, может, я чего-то не понимаю, но почему мы плывем на север, а не на юг?

– А тебе не все ли равно, парень, каким путем мы идем в Остервиг? – ответил Барг равнодушно, хотя тоже должен был напрямь голосовые связки. – Главное, чтобы мы добрались туда без приключений.

– В том-то все и дело! Разве не рискуем мы попасться на глаза свеям?

– Да ты, я смотрю, здорово струхнул от встречи с ними? – осклабился Барг.

– Я их вовсе не видел, но при встрече не покажу спину! – вспыхнул Ансгар. – Я им еще отплачу за смерть отца! Но все же неразумно лезть в самое логово к врагу, не будучи к этому готовым.

– Ты лучше меня знаешь, что Эрик покинул это свое логово, – продолжая грести, терпеливо объяснял Барг, – так что вероятность встречи со свеями хотя и есть, но не так велика. Во всяком случае, лучше иметь дело с ними, чем попасть в руки к ругам.

– Каким еще ругам? – искренне удивился Ансгар.

– Да, Младший, вот и видно, что ты едва вылез из своей глухомани, света белого не видел. Руги – одно из племен вендов, причем самое дикое и кровожадное. Живут они на острове, который мы называем Рюген, а они – Руян. И себя самих они называют руяне. – Барг говорил, точнее выкрикивал, а Ансгар с интересом слушал, ведь прежде он об этом ничего не знал. – Они тоже умеют строить морские суда, хотя и не такие хорошие, как у нас. Слишком далеко не плавают, но тем, кто заплывет в их воды, не поздоровится. Бывало, они грабили побережье Сконе и даже Ютланда. В последнее время они совсем что-то разошлись. Вот поэтому одиночному драккару лучше южным путем не идти.

– Стало быть, они тоже викинги, только из вендов? – предположил Ансгар.

– Да какие же они викинги? – возмутился Барг.

– Но ведь они занимаются тем же, чем и мы.

– Тем же, да не тем же. – Видно было, Барг не знал, как ответить. – Да и что-то много ты языком болтаешь, видно, совсем не устал. А ну, держи!

Барг всучил Ансгару весло и встал. Некоторое время он постоял, видно, не желая просто так уйти, толком не ответив, потом что-то вспомнил и со всей силы хлопнул Ансгара по спине:

– Не прав ты, Младший, они не такие, как мы. Никакие они не викинги. Нет у них нашей чести и нашей воинской доблести!

– Почему же нам стоит их опасаться? – не унимался Ансгар.

– Потому что их много, а нас мало. Да и дикие они совсем. Знаешь, что они делают с теми, кому не посчастливилось попасть к ним в плен?

– Что?

– Приносят в жертву своим богам. Ты хочешь, чтобы тебя зажарили в честь какого-нибудь срамного Свентовита? – Барг хотел сказать еще что-то забавное, но в этот миг налетел такой вихрь, что вся команда побросала весла и рухнула на дно драккара. Первым пришел в себя Бальдр.

– А ну, выродки! – раздался его рев. – Поднялись и взяли за весла!

– Бальдр! Мы должны править к берегу, иначе нам конец! – проорал Барг. Теперь ему было не до шуток.

Люди взяли за весла, но никто не пытался грести, все вопросительно смотрели на Бальдра. Тот снова разразился бранью, но в это самое время, заглушая его, снова завыл ветер. В следующий миг черные тучи, клубившиеся над морем, словно прорвало и на драккар со всеми его викингами обрушились потоки воды перемежку со снегом.

– Поворачиваем! – решил наконец Бальдр. – Правый борт, налегги!

Но было уже поздно. Море обуяло безумство бури, и править кораблем стало невозможно. Сильный ветер гнал его в открытое море, не давая пристать ни к одному из островков. Драккар оказался во власти стихии, и оставалось только надеяться на ее милость к застигнутым врасплох людям. Бальдр велел затащить весла на борт и закрепить, однако сделать это было не так-то просто. Море стало дыбиться волнами, одна больше другой, и драккар так качало, что было невозможно удержаться на ногах. Плохо закрепленные ящики, мешки и бочонки со снаряжением и продовольствием вместе с веслами катались по кораблю и били людей. То и дело что-нибудь вылетало за борт.

– Как думаешь, брат, это наш отец так раззадорил дочерей Ран? – проорал Агнар в ухо Ансгару и весело засмеялся. Казалось, разыгравшаяся буря его забавляет. Но в следующий миг ему было уже не до смеха. В бок драккару ударила волна, судно резко накренилось, и Агнар, потеряв равновесие, полетел за борт. Ансгар бросился ему на помощь и успел ухватить за ногу. Напрягая все силы, он втащил успевшего окунуться в морские воды брата обратно, но рано расслабился – драккар налетел на очередную волну, и уже сам Ансгар, перекувыркнувшись, повис над бушующим морем. Чья-то сильная рука, ухватив за шкурку, не дала ему расстаться с кораблем. Мощным рывком Барг – а это был именно он – вернул его в драккар и бросил на дно.

– Лежи и не пытайся вставать! – крикнул Барг и сам улегся рядом. – Был бы у нас дельный кормщик, еще можно было бы потягаться с морем. А теперь наша судьба нам не принадлежит. Если будет на то воля богов, суденышко наше не развалится, тогда не пойдем на корм рыбам. Но шансы невелики.

Ансгар беспокойно оглянулся и увидел брата. Агнар тоже лежал, прижавшись ко дну корабля, уже не думая веселиться, а только беспокоясь, как бы снова не улететь за борт. По примеру Барга все, кто смог, привязали себя к кораблю веревками и распластались на дне, наполовину утопая в воде. Только Бальдр, вцепившись в мачту, оставался стоять и извергать проклятия и ругань то ли небу, то ли своей перетрусившей дружине.

Убедившись, что с братом все в порядке, и не обращая внимания на обезумевшего Бальдра, Ансгар решил послушаться Барга и оставить все на волю богов. Он вцепился в подаренный Брюнгердой амулет и устремил свой взор к грозному в этот час небу. Холодный северный ветер уже давно обратился в безудержный шквал, и от его пронзительного свиста закладывало уши. Струи дождя, смешиваясь с морскими брызгами, непрерывным потоком заливали драккар, грозя наполнить его до краев и пустить на дно. Корабль кренился то на одну, то на другую сторону, но, как ни странно, не тонул, а только взлетал на огромных волнах вверх – и тогда Ансгара прижимало ко дну, – после чего вновь устремлялся вниз – и Ансгару казалось, будто он висает в воздухе. Вдруг он увидел, как по правому борту стал подниматься гигантский морской вал. Десять локтей, пятнадцать, двадцать! Немыслимая масса воды нависла прямо над крошечным корабликом.

– Смотри, Младший! Это сам Эргир!²⁵ – не то в ужасе, не то в восторге закричал Барг. – Сейчас он нас прихлопнет!

Невероятно, но каким-то чудом в последний момент драккар бросило вперед, и стена воды рухнула прямо за ним. Барг ошалело выглянул за корму, а Ансгар лишь крепче прижал к груди амулет.

Вал Эргира был самым страшным из того, что в этот раз приготовила стихия для измученных людей. Ничего подобного Ансгару уже больше не довелось увидеть до тех самых пор, пока море, наконец, не улеглось. Однако буря продолжалась еще несколько дней, счет которым Ансгар, измотанный до предела сил, потерял. Никем не управляемый корабль носило по

²⁵ Эргир – один из ётунов, морской великан.

волнам, и единственным кормчим был северный ветер, воле которого полностью подчинились Бальдр и его дружина. Когда стало ясно, что драккар останется на плаву и море смилостивилось над людьми, Барг стал беспокоиться по другому поводу.

– Похоже, Младший, боги услышали твои слова о южном пути, – говорил он Ансгару, – сначала я думал, нас вынесет на Эланд, но мы прошли мимо. Потом я надеялся увидеть берега Борнхольма, но и тут нам не повезло. Судя по всему, буря отнесла нас далеко на юг и запад, и я не удивлюсь, если, едва прояснеет, нам доведется увидеть челны рогов. Впрочем, море еще не сказало своего последнего слова. Хорошо, если наш драккар сядет на мель, а ведь может разбиться о скалы!

И вот, в тот момент, когда море почти успокоилось и казалось, что злая судьба миновала несчастных викингов, Барг, надеясь рассмотреть что-то в утренних сумерках, выглянул за борт и вдруг истошно заорал:

– Земля!

В следующий миг Ансгар почувствовал сильнейший толчок, драккар опрокинулся на бок, и все кубарем полетели с корабля. Очухавшись и отфыркнувшись от воды, Ансгар обнаружил себя на мелководье у песчаного берега. Не обращая внимания на копошащихся вокруг викингов, он огляделся и понял, что боги все же на их стороне, а может, это сработал амулет Брюнгерды: в ста шагах слева и справа от того места, куда выбросило драккар, виднелись скалы. Не будь они так удачливы, их корабль разнесло бы в щепы и немногим тогда удалось бы выжить.

В проблесках нового дня Бальдру с помощью Барга удалось навести порядок в дружине и подсчитать ущерб, нанесенный бурей. Море хотя и пощадило викингов, но все-таки взяло свою дань. Двоих парней из числа новобранцев выбросило за борт, и, в отличие от Ансгара, никто не сумел прийти им на помощь. Еще одному пробило голову ящиком, когда драккар вынесло на берег. Также море забрало внушительную часть их припасов и снаряжения, да и сам драккар оказался изрядно потрепан. Парус был вовремя убран и остался цел, мачта тоже уцелела, но обшивка пострадала настолько сильно, что оставалось только удивляться, как корабль не пошел ко дну. О множестве потерянных весел и говорить не приходилось.

Все были сильно измотаны и к тому же голодны, но Бальдр не позволил устроить полноценный отдых, и Барг его в этом полностью поддержал. Оба опасались, что дружина оказалась на земле ободритов²⁶, если не на самом Рюгене, а потому следовало поскорее убраться отсюда подальше. Перекусив на скорую руку тем, что осталось от припасов, викинги принялись за работу. Несколько человек были отряжены на подготовку погребального костра для своего погибшего товарища, другие отправились на поиски съестного и прежде всего пресной воды, большая же часть под руководством Барга приступила к починке драккара, благо невдалеке находился лес и недостатка в древесине не должно было быть. Из числа наиболее опытных своих дружинников-хирдманов²⁷ Бальдр назначил дозорных. Сам же Бальдр невозмутимо прохаживался по берегу, наблюдая за тем, как работают остальные.

Ансгар и Агнар, а вместе с ними Ульвар были теми, кому довелось заниматься погребением. Старший даже пошутил:

– Если так пойдет дальше, скоро мы станем большими мастерами в этом деле!

Но Ансгару было не до шуток.

– Мог бы и сам взяться за топор! – возмутился он, глядя на Бальдра.

²⁶ **Ободриты** (бодричи) – одно из племен поморских славян.

²⁷ **Хирдман** – старший дружинник.

– Ладно тебе! – успокаивал его Ульвар. – Он наш хёвдинг²⁸, можно даже сказать, конунг! Его дело – приказы нам отдавать да в бой вести, а не махать секирой, как простой человек. Уверен, когда дело дойдет до драки, этот Кривой еще покажет себя во всей красе.

– Может, и так, – пожал плечами Ансар, – да только мне кажется, что настоящий конунг должен быть первым во всем. Драка дракой, но если он сам ничего делать не будет, то, пусть он хоть трижды сын Одина, кто будет его уважать? Не знаю, как вы, а я не буду.

– А братец-то мой, оказывается, гордец! – ухмыльнулся Агнар.

– Да не гордец он никакой, – возразил Ульвар, – просто мы с вами всю жизнь в таком диком краю провели, что совсем не знаем, как знать живет. А живет она совсем другой жизнью.

– Тоже мне – знать! Один дырявый драккар, вот и все его владения.

– Морскому конунгу больше ничего и не нужно, – заметил Агнар, – был бы корабль да дружина. Имея их, можно добыть и славу, и богатство, и даже землю. Это тебе не какой-нибудь Эрик, который своих же нордманов²⁹ притесняет.

– А по мне, так он ничем не лучше свейского конунга, – снова не согласился Ансар, – будь у него столько же силы и власти, Бальдр занимался бы тем же самым.

Ульвар, слыша такое, только качал головой:

– Не забывай, мы сейчас в его дружине.

– Ну и что с того? У меня своя голова на плечах есть, и я никому не позволю думать за меня – ни Бальдру, ни кому-нибудь еще.

– Агнар, уйми своего брата! – воскликнул Ульвар. – Что-то он совсем разошелся!

– Да, брат, думать, конечно, хорошо, но смотри, не переусердствуй!

Шутка всем понравилась, даже самому Ансару, но когда они отсмеялись, Агнар уже серьезным голосом добавил:

– А вообще, брат, не зарывайся! Мы с тобой пока еще никто, так – лесные охотники, невесть как очутившиеся на море. Кроме лосей да медведей, ни с кем не сражались, только друг дружку мутузили деревянными мечами. Вот проведешь лет десять в походах да сражениях, как он, тогда и суди, плох Бальдр или хорош.

Ансар должен был признать, что слова старшего брата не лишены смысла, но все равно тихо, почти самому себе проговорил:

– Все же он мне не нравится.

Так, переговариваясь между собой, дренги – а Бальдр всех, кроме своей изначальной дружины, считал дренгами – делали свое дело. К середине дня, когда Ансар с товарищами собрали погребальный костер, драккар уже привели в более или менее приличный вид, хотя еще и оставалось много работы. Но, по крайней мере, на нем снова можно было выйти в море, не рискуя тут же утонуть. Кроме того, удалось пополнить запасы пресной воды и даже раздобыть какой-никакой дичины. Это было очень кстати, так как всем безумно хотелось есть.

Посоветовавшись с Баргом, Бальдр решил сначала совершить обряд, а уже потом устроить обед. Викинги сгрудились вокруг погребального костра и молча смотрели, как огонь пожирает первую жертву их похода (о двух утонувших все в этот момент как-то подзабыли, ведь их мертвых тел никто не видел). И хотя было ясно как день, что они еще легко отделались, настроение в дружине было никудышное. Путешествие в Остерланд началось крайне неудачно.

Ансар с братом стояли немного посторонь от всей толпы, ведь они и так уже успели попрощаться с погибшим, пока готовили его к сожжению. Поэтому они одними из первых услышали крики со стороны леса. Ансар обернулся и увидел Ормара, бегущего к ним со всех ног. Ормар был одним из тех, кого направили в дозор, и такое его появление не сулило ничего хорошего.

²⁸ Хёвдинг – предводитель, воевода.

²⁹ Нордман – северный человек.

– Венды! Венды! – расслышал Ансгар, когда Ормар подбежал поближе.

Услышали его и остальные. Оставив догорать погребальный костер, они сгрудились вокруг Ормара. Первым к нему подступил Бальдр:

– Что ты разорался? Друга увидел?

– Хуже! Сюда направляется целый отряд вооруженных до зубов вендов, – выпалил Ормар.

– Чуял я, что этим все кончится! – скривился Бальдр.

– Сколько их? – встрял Барг. – Ты сумел посчитать?

Ормар посмотрел на него как на сумасшедшего.

– Мне некогда было их считать!

Бальдр громогласно изрек очередное из своих проклятий. Это заставило Ормара взять себя в руки и все-таки ответить на вопрос Барга:

– Сотни две, но из-за деревьев я всего рассмотреть не мог. Может, и больше.

Барг только присвистнул. Две сотни против шести десятков, из которых больше половины были неопытными дренгами, да к тому же голодными, измученными бурей и хлопотным днем, – такой расклад оставлял викингам не такие уж большие шансы на спасение. Раздумывать было некогда, и Бальдр скомандовал:

– Быстро забрасываем на корабль все самое необходимое и спускаем на воду!

Но было уже поздно. К драккару бежали последние из дозорных, а вслед за ними из леса выходили один за другим десятки воинов. Насчет их вооружения Ормар немного преувеличил, по крайней мере, доспехов почти ни у кого из них не было, но зато числом их оказалось не меньше трех сотен, и они быстро приближались к стоянке викингов. Бальдр понял, что просто не успеет отплыть, и отдал новую команду:

– Все в оружие!

Викинги быстро расхватили мечи, копья и топоры и стали группироваться вокруг своего вождя. Тот построил дружину у драккара – их последней надежды – в следующем порядке: сам с хирдманами стал в центре, а по бокам расположил дренгов, над которыми поставил Барга – справа, и Геслинга – слева. В рядах вендов также было отчетливо видно разделение три части, и эти части полумесяцем охватывали строй нордманов.

– Это не просто венды, это руги, – заключил, присмотревшись к ним, Барг.

Ансгар, стоявший рядом с Баргом, чувствовал, как дрожь пробирает все его тело. Это был не страх, нет. Возбуждение перед первым в жизни настоящим сражением – вот что охватило Ансгара. Но сражение не начиналось. Сблизившись с северянами до сорока шагов, руги остановились. Из их рядов вышел воин, вожак, судя по его виду. Огромного роста, так что даже великан Оддвар присвистнул, с широкими мощными плечами, он производил устрашающее впечатление. На нем не было ни доспеха, ни даже стегача, только медвежья шкура поверх простой рубахи, а голова медведя образовывала что-то вроде шлема. На его левой руке висел гигантский, так что Ансгар мог бы укрыться за ним едва ли не целиком, щит, а в правой вождь вендов держал чудовищную секиру. Вдруг он заговорил, да так, что почудилось, будто сам Ёрмунганд³⁰ отпустил свой хвост и разверз пасть.

– Что ему надо? – нервно спросил Бальдр.

Барг, который, как оказалось, понимал вендскую речь, начал переводить:

– Он говорит, что он великий вождь ругов и мы теперь на его земле, а значит – его пленники.

– Скажи ему, что таким вождям только навоз за скотом убирать, а мы люди вольные, где хотим, там и ходим и никому сдаваться не собираемся, – огрызнулся Бальдр.

³⁰ Ёрмунганд – гигантский змей, порождение Локи, обитающий в Мировом океане и опоясывающий Мидгард.

Ансгару показалось, что Барг перевел не все эти слова, потому что венд остался совершенно спокоен и таким же утробным рыком продолжил что-то говорить.

– Он понимает, – переводил Барг, – что мы считаем себя воинами и так просто сдаваться не хотим. И он понимает, как опасен зверь, зажатый в угол.

– Это он нас зверями назвал? Пусть на себя посмотрит! – выкрикнул Бальдр, но вождь ругов не обратил на него никакого внимания – кажется, за старшего он принял Барга – и продолжил говорить, а Барг переводить.

– Он не желает напрасного кровопролития и предлагает решить вопрос честным поединком. Если победит наш воин, мы сможем беспрепятственно покинуть остров ругов, ну а если победит он, то все мы станем его рабами.

По рядам викингов прошел ропот. Они не понимали, что для них лучше – выставить бойца против этого звероподобного воина, и тогда велик риск угодить в рабство, или отказаться и принять бой, и тогда наверняка всем погибнуть.

– Единственное условие, которое он выдвигает для этого поединка: своего противника он выберет среди нас сам.

Ропот усилился, но Бальдр, услышав о единоборстве, только ощерился:

– Ха! Этот выкидыш Ангрбоды³¹ думает нас обдурить. Но у него ничего не выйдет. Скажи ему, что мы согласны.

Гул возмущения раздался у него за спиной:

– Мы не согласны!

– Мы не будем рабами!

– Лучше будем сражаться!

Бальдр поднял руки, призывая к вниманию:

– Спокойно, парни! Я же сказал, нас ему не обдурить! Пусть будет поединок, но если наш боец проиграет, кто сказал, что мы сложим оружие? А? Ха-ха!

Викинги поняли своего вожака, и раздался уже голоса одобрения. В самом деле, можно было попытаться счастья: как знать, может, один из них одолеет руга, и тогда они смогут убраться отсюда без потерь. Ну а если удача будет не на их стороне, что ж, значит, они примут бой и скоро увидят чертоги Одина.

Руг принялся расхаживать перед строем викингов, подыскивая себе противника. Многие кричали, призывая выбрать себя. Очень хотел сразиться Оддвар, и на некоторое время руг действительно остановился перед ним и стал оценивающе рассматривать. Но потом он продолжил свои поиски, и недовольному Оддвару только и оставалось, что проорать ему вслед:

– Куда же ты?

– Эй! Выродок! Сразись со мной! – бешено вращая красным глазом, брызгал слюной Бальдр.

Но руг не обратил на него никакого внимания. Прошел он и мимо насмешливо поглядывавшего Барга, только ухмыльнулся в ответ. Ансгар с любопытством ожидал, на ком же остановит свой выбор этот иноплеменник. Мысль о том, что могут выбрать его, даже не приходила ему в голову. Но вдруг руг остановился прямо перед ним, и Ансгар не сразу понял, почему тот показывает на него пальцем.

– Что? Ты выбрал этого сопляка? – услышал Ансгар возмущенный возглас Бальдра.

Слова Бальдра задели Ансгара, но возмущаться было некогда, тем более что Барг, вопреки общему настроению, ободряюще похлопал его по плечу, приговаривая:

– Давай, Младший, покажи, на что ты способен!

³¹ Ангрбода – великанша, жена Локи, родившая ему Фенрира, Ёрмунганда и Хель.

Он не ограничился одними словами и вручил ему собственный щит и шлем. Щит, пусть и выглядел изрядно потрепанным, но зато удобно лег на руку, а вот шлем хотя и налез, однако сидел на голове неудобно, да и не привык Ансгар к такому защитному вооружению.

– Держи! – Агнар протянул младшему брату франкский меч. – В этом клинке, я уверен, жива сила нашего отца. Он поможет тебе!

Ансгар с благодарностью принял меч, заметив при этом косой взгляд Бальдра.

– Это его не спасет! – скептически изрек хёвдинг. Он явно не верил в удачу Ансгара и жалел, что вместе с жизнью своего дренга потеряет ценное оружие, к которому примеривался еще перед отплытием из Нордланда. Ансгар снова пропустил мимо ушей слова Бальдра, ведь сейчас у него был повод для беспокойства поважнее. Вождь ругов, поигрывая секирой, терпеливо ожидал, когда викинги соберут своего воина. Он был явно уверен в себе и в своей победе.

В конце концов, оборузившись, Ансгар выступил вперед. Руг смотрел, как он приближается, и улыбался. Ансгару даже почудилось в этой улыбке некое дружелюбие. Но едва он сблизился со своим противником на расстояние пяти шагов, тот резко прыгнул ему навстречу и нанес мощный удар секирой, за которым последовал второй, не менее мощный. Ансгар принял оба удара на щит, и тот сразу затрещал, так что показалось, сейчас он развалится на части. Левая рука Ансгара сразу заныла, и он понял, что следующий удар не выдержат ни щит, ни рука. Он обозначил боковой и верхний рубящие удары и отскочил в сторону. Руг легко отразил эти выпады, причем на его щите осталась лишь пара царапин, а затем снова ринулся в атаку. Ансгар предпочел не отражать его удары, а уворачиваться от них. Он решил, что в бою с таким могучим и тяжеловесным противником его единственная надежда заключается в скорости. Но, к его удивлению, несмотря на свои размеры, руг оказался очень проворным, и Ансгар едва успевал уходить от все новых и новых его ударов, практически не имея возможности ответить. Больше того, потеряв много сил во время бури и не имея возможности отдохнуть днем, Ансгар быстро слабел, в то время как руг казался неутомимым и его секира вот-вот должна была настичь свою жертву.

Кругом стоял неумолчный гул. Руги с восхищением следили за каждым движением своего вождя и, потрясая копьями и топорами, бурно радовались любому его выпадку и откровенно смеялись над его незадачливым соперником. Настроение викингов было прямо противоположным. Они чувствовали, что их боец понемногу уступает и его конец близок. Тем не менее они, как могли, поддерживали Ансгара, пытались что-то ему подсказывать, а заодно осыпали проклятиями как вождя ругов, так и все его племя. Особенно изгалялся в сквернословии Бальдр. Но по-настоящему достигала цели только брань Барга, которому оказалась ветома и вендская ругань.

Наконец наступил момент, когда Ансгар не успел уйти от удара и вынужден был принять его на щит. Тот не выдержал и разлетелся на куски – теперь левую руку Ансгара прикрывали жалкие обломки с умбоном, кое-как державшиеся на ремне. Саму руку чуть ниже локтя охватила острейшая боль, отдававшая в кисть и в плечо. Ансгар несколько раз махнул мечом, стараясь не столько поразить руга, сколько заставить его хоть немного отступить. Руг вновь легко отразил направленный против него выпад, но все же замешкался, и Ансгар смог отскочить в сторону. Расстояние в несколько шагов, которое теперь должен был преодолеть руг, чтобы настичь своего противника, давало Ансгару пару мгновений для оценки ситуации, тем более что сам руг не спешил. Будучи абсолютно уверен в победе, он, кажется, не прочь был поиграть со своей жертвой, как кот играет с пойманной мышью. Но Ансгара уготованная ему роль не устраивала и, пока руг, вращая секирой, медленно приближался к нему, он лихорадочно сообщал, пытаясь найти ключ к спасению. Вдруг его осенило – у него в руках франкский меч! Им можно не только рубить! Предупреждая атаку руга, Ансгар сам перешел в наступление. Начав поднимать руку, будто собираясь рубануть сверху, он, согнув в колене, выставил далеко вперед правую ногу и, едва не вывернув себе кисть, перевел рубящий удар в колющий – прямо в живот

сопернику. Меч проткнул плоть и уперся во что-то твердое. Руг, собираясь отразить верхний удар, слегка приподнял свой щит и запоздало среагировал на неожиданный выпад викинга. Вместо того чтобы отразить его, щит ударил по мечу, когда тот уже вонзился в тело. Клинок дернулся, скрежеща по позвоночнику и выворачивая внутренности.

Берег огласился вздохом разочарования и криками ужаса со стороны островитян и победным кличем викингов, но сошедшиеся в поединке воины продолжали стоять друг напротив друга. Ансгар так и держал меч в животе руга, веря и не веря, что ему удалось поразить своего противника. Он смотрел в его глаза и видел там отчаяние и смертную тоску. Казалось, руг никак не мог поверить в случившееся. Так не должно было быть, он должен был победить! Но жуткая боль в чреве не давала обмануться – великий вождь ругов оказался смертельно ранен этим юнцом с севера. Вдруг в его глазах вспыхнула ярость. Выдернув меч, Ансгар отскочил назад – и вовремя. На то самое место, где он только что стоял, обрушился неимоверной силы удар. Руг вложил в него всю свою неизрасходованную силу, так что секира полностью ушла в песок, оставив снаружи только рукоять. Сам он упал на одно колено и так и стоял, видимо, все еще надеясь подняться и продолжить бой.

– Добей его! Добей! – кричал Бальдр, однако Ансгар не шевелился, словно в оцепенении уставившись на поверженного гиганта. Наконец тот попытался подняться, но тут же, бездыханный, рухнул на спину.

Снова раздался победный клич викингов. Агнар же и Ульвар, нарушая строй, бросились к Ансгару, чтобы подхватить его под руки, так как он, осознав, наконец, что победил, сбросил то напряжение, которое еще позволяло ему стоять на ногах, и упал бы, если бы его вовремя не подхватили.

– Назад! – проорал вдогонку двум дренгам Бальдр. Он опасался, что, несмотря на гибель своего вождя, руги сейчас бросятся в атаку. Но вместо этого из их рядов вышли несколько человек, которые, подойдя к поверженному воину, осторожно подняли его на руки и понесли обратно в лес. За ними потянулись остальные. Только одна сотня задержалась, прикрывая это отступление, но вскоре удалилась и она.

Увидев, что руги показали спины, викинги в третий раз, радостно раздирая глотки, восславили Одина. Вдогонку уходящим понеслись новые оскорбления и насмешки. Вместе с тем теперь уже никакой Бальдр не мог сдерживать нордманов, и те гурьбой бросились к Ансгару. Подняв его на руки, они принялись качать победителя. Сам он был на пределе сил, но мужественно держался, старался всем ответить и непрерывно улыбался. Не улыбаться он не мог, мышцы лица сами растягивали его рот, обнажая ровный ряд зубов, хотя сейчас ему было вовсе не до веселья – тело его бил озноб, а левая рука словно отваливалась.

Когда нахлынувшая толпа наконец немного расступилась, Ансгар протянул меч Агнару, бывшему все это время рядом с младшим братом. Но Агнар только покачал головой:

– Оставь его себе. Теперь он по праву твой!

– Дело говоришь, Старший! – вмешался Барг. – Тем более что я придумал Младшему новое прозвище – Длинный Меч.

– Спасибо, брат, – с трудом выговаривая слова, промолвил Ансгар, – спасибо и тебе, Барг. Я с удовольствием приму данное тобой имя. А вот щит я тебе, увы, вернуть не могу.

Барг только поморщился:

– Ты уж извини, что подсунул тебе это барахло, но другого не было. Как твоя рука?

Ансгар, кривясь от боли, стянул болтавшиеся у него на руке все это время остатки щита и закатал рукав рубахи. Немного ниже локтя, там, где, скользя по умбону, секира пробила деревянную обшивку и дошла до кожаной подкладки, надулась шишка, лопнула кожа и сочилась кровь, а вокруг растекся большой красный синяк. Не обращая внимания на протесты Ансгара, Барг пощупал его руку:

– Ха! Можно сказать, ты легко отделался. Кость цела, а эта ерунда быстро пройдет.

Ансгар и сам понимал, что исход поединка мог быть намного печальнее для него, но эта утешительная мысль не могла унять боли в руке, от которой он едва мог соображать.

Единственным, кто не подошел поздравить Ансгара с победой, оказался Бальдр. Он подождал, пока уляжется радостное волнение, охватившее его дружину, и с обычной для него грубостью громогласно объявил:

– Ну, хватит веселиться! Дело еще не сделано – эти дикари могут в любую минуту вернуться. Так что будет лучше, если мы поскорее унесем отсюда ноги. Отплываем немедленно!

Забыв о том, что им так и не довелось толком поесть, викинги быстро загрузили в корабль остатки снаряжения и провианта. Спешка не оказалась напрасной. Бальдр как в воду глядел – едва дружина налегла на весла, из леса снова вышло войско ругов. Когда оно подоспело к береговой кромке, драккар уже отплыл на расстояние полета стрелы. Руги действительно попытались использовать луки, но, пустив несколько стрел, убедились, что так им северян не достать.

– Что? Съели? – проорал им Барг и показал жест, самый обидный из тех, которым можно оскорбить мужчину. Все дружно заржали, и только Бальдр оставался мрачен.

– А ну, налегли! Не ленись! Что вы, как полудохлые псы, еле шевелитесь, – не давал он расслабиться своим воинам. Те недовольно оглядывались на него, не понимая, что еще ему надо.

Но Бальдр ясно видел угрозу своему отряду. Ветра не было, и драккар шел лишь за счет весел. Однако гребла едва половина дружины, другим просто нечем было орудовать. Из-за этого корабль шел раза в два медленнее, чем обычно. Кроме того, залатанное в спешке судно, снова оказавшись в море, тут же дало течь, а это грозило еще больше замедлить ход.

– Проклятье! – наконец вымолвил он, поглядев в сторону удаляющегося острова. Огибая его, один за другим появлялись легкие челны ругов. Они явно намеревались догнать викингов и отомстить им за гибель своего вождя.

– Давайте, парни! Дружнее! Вы же не хотите снова иметь дело с теми ребятами? – подгонял Барг враз уразумевших, что к чему, дренгов, в то время как хирдманы уже готовились к бою.

Ансгар, будучи ранен, не мог грести, но и биться он мог только в крайнем случае – так сильно болела рука. Тогда он решил воспользоваться снадобьями Брюнгерды, чудесным образом пережившими бурю. Он развязал мешок и принялся рыться в его содержимом, пытаясь найти нужное снадобье. Правда, сейчас в его голове все перепуталось, и Ансгар толком не знал, что же ищет. Но вот ему попался на глаза сверток, в котором, кажется, должно было быть нужное снадобье. Его название он подзабыл, но, если он правильно помнил, пожевав его, можно было утишить боль. Непослушными пальцами Ансгар кое-как развязал узелок и увидел непонятный темно-зеленый комок. Очевидно, снадобье промокло, и теперь было неясно, можно ли им воспользоваться. Однако размышлять об этом Ансгар не собирался. Он отковырнул от комка кусочек и положил его в рот. По языку разлилась горечь, так что Ансгара чуть не перекосило, но в общем оказалось терпимо. Немного пожевав, он решил, что этого будет мало, и отщепил еще один кусочек. К его удивлению, боль действительно стала утихать и Ансгар почувствовал себя намного лучше. Даже слишком. Появилась какая-то легкость, и ему показалось, что, если руги их действительно настигнут, он без труда одолеет их всех.

Воодушевившись, он отщепил от комочка в третий раз и быстро понял свою ошибку. Возможно, Брюнгерда его предупреждала насчет свойств этого снадобья, но он позабыл. Сначала он почувствовал легкое головокружение – ему не было плохо, нет, только странное ощущение полета. Вместе с тем Ансгар совершенно не мог сдвинуться с места. Как он вскочил, готовясь к бою с ругами, так и застыл, больше не будучи в состоянии пошевелиться, хотя чувствовал при этом каждую частичку своего тела. Он даже удивился, почему не падает, ведь драккар качало, а он стоял как чурбан. Все, что мог Ансгар – это наблюдать за происходящим вокруг него. И оказалось, что это крайне интересно. Его чувства невероятно обострились, он видел

все в мельчайших подробностях, замечал любое движение. Но Ансгара поразило даже не это, а то, что у него на глазах окружающая действительность начала странным образом меняться. Все краски вдруг сгустились и стали необыкновенно яркими, а очертания предметов и людей – предельно четкими.

Ансгар ясно видел, как один из ругских челнов оторвался от остальных и стал быстро приближаться к драккару, как усердно гребли на нем оголенные по пояс воины, как на самом носу челна, весь подавшись вперед и едва не падая в воду, что-то громко кричал своим людям их предводитель и при этом радостно улыбался. Он, вероятно, призывал грести еще быстрее и предвкушал скорую схватку. Когда челн был уже достаточно близко, несколько ругов достали луки и принялись стрелять вдогонку викингам. Ансгар мог поклясться, что видел полет каждой стрелы. Вот несколько из них угодили в борт, затем – в весло и, наконец, в руку одного из дренгов. В следующий миг уже Ивар натянул тетиву своего лука и пустил стрелу. Ансгару казалось, что он видит, как она вращается в воздухе, а затем медленно – так ему чудилось – вонзается прямо в лоб все еще улыбающемуся ругу. Вслед за тем руг упал на руки своей команды и челн сразу отстал от драккара викингов.

Вся дружина издала победный клич, и, слыша это, Ансгар сам пробовал что-то выкрикнуть, но из его глотки шел только бессмысленный хриплый сип. Краем глаза он видел, как Бальдр одобряюще хлопнул Ивара по плечу, говоря: «Такому выстрелу позавидовал бы и сам Ульль»³², и удивился собственной ревнивой мысли: его-то Бальдр не похвалил за победу над ругом! Но думать об этом он уже не мог. Радужная картина перед глазами начала расплываться, появились какие-то блестящие мошки, их становилось все больше, и они кружились, кружились... Он еще слышал где-то на краю своего сознания знакомый взволнованный голос: «Ансгар, брат, что с тобой?», но ответить был не в состоянии. Он словно проваливался в какую-то бездонную пропасть, где никогда не было света и царила вечная тьма.

Ансгар не знал, сколько он пробыл в этой тьме, но в какой-то момент вдруг стало светло, над головой висело солнце, хотя его тусклые лучи с трудом пробивались сквозь серые тучи. Он стоял на берегу моря и держал в одной руке меч, в другой – щит, а на голове неудобно сидел шлем. Перед ним стоял рослый воин в медвежьей шкуре и готовился пустить в дело свою огромную секиру. Времени на раздумья не было, и Ансгар пырнул его мечом в живот. Меч скользнул обо что-то твердое и ушел в бок. По инерции следуя за ним, Ансгар потерял равновесие и упал. Он перевернулся на спину – воин возвышался над ним, хохоча во всю глотку, и секира со свистом вращалась в его руке. Ансгар вскочил на ноги и снова ринулся в бой. Он наносил удар за ударом, но меч каждый раз отскакивал, как от камня, а воин смеялся все громче. Ничего не понимая, Ансгар уставился на него и только тут в этом смеющемся лице уловил что-то знакомое. Отец! Это был он, хотя одновременно и не он – странное смешение черт убитого руга и Ансвара. Вдруг он перестал смеяться, впился в Ансгара злым взглядом и стал быстро краснеть, пока неожиданно не вспыхнул весь ярким пламенем. Не в силах терпеть идущий от него жар, Ансгар прикрывшись левой, уже почему-то без щита, рукой и тут же отдернул ее, но огонь перекинулся на ладонь и стал подниматься дальше вверх, к плечу. С ужасом Ансгар смотрел, как горит его рука, и не в силах был ни попытаться потушить ее, ни оторваться от этого зрелища. Он только чувствовал жуткую боль, которая заслоняла собой все, даже руга-отца. Боль и ничего, кроме боли, чистое страдание...

Ансгар очнулся и раскрыл глаза. Был уже вечер. Укрытый чьим-то плащом, он лежал у костра, в котелке над которым булькала какая-то жижа. Во рту чувствовался неприятный тошнотный привкус. Ныла рука. Он поднял ее и пошевелил пальцами. Оказалось, она полностью послушна, но любое движение вызывало новые приливы боли. Поморщившись, он задрал рукав – шишка стала меньше, зато вся рука ниже локтя посинела. Ансгар огляделся. Вокруг

³² Ульль – бог лучников.

костра сидел его десяток, ближе всех к нему – Агнар. Заметив, что младший брат пришел в себя, он заговорил:

– Ну и напугал ты меня, братец! Можешь сказать, что с тобой было?

– Я плохо помню... За нами гнались руги, куда они делись?

– После того как Ивар так метко пустил стрелу – это ты помнишь? – Ансгар хмуро кивнул. – Так вот, после этого их челн отстал, но были другие, и они догоняли нас. Слава Одину, в это время подул западный ветер и мы распустили парус. Тогда наш драккар набрал хороший ход и мы сумели оторваться.

– А где мы теперь? – поинтересовался Ансгар.

Агнар пожал плечами:

– Я, говоря по правде, толком не знаю. Где-то на южных берегах. Во всяком случае, далеко от Рюгена.

Ансгар немного помолчал, осмысливая последние известия.

– Так что же со мной было? – наконец спросил он.

– Что было? Ты как-то странно захрипел, закатил глаза и упал. Из рта пена пошла... Не знаю, я такого раньше не видел. Думаю, Барг лучше знает. Эй, Барг! – крикнул Агнар.

У соседнего костра поднялся человек, подошел к ним и присел рядом. Ансгар увидел насмешливые глаза Барга и сам невольно улыбнулся.

– Ну, парень, повеселил ты меня! Даже не знаю, как теперь тебя называть. Ты, конечно, заслужил имя Длинный Меч, но отныне тебе подойдет и прозвище Дурман или Несмышленный Знахарь, а можно еще Пенная Борода. Как тебе?

– Вообще-то не очень, – отвечал Ансгар, – да и не слишком ли много имен мне одному?

– Но они все по праву твои! – хохотнул Барг, но потом уже серьезнее добавил: – А вообще больше не делай так. Я посмотрел, чем ты там врачевался, и хотя сам вовсе не знахарь, но могу сказать, что злоупотреблять этой штукой не стоит. Разве тот, кто дал тебе ее, не предупреждал о последствиях?

Ансгару только оставалось чесать затылок:

– Да, предупреждали меня, но я забыл. Вообще, я в тот момент мало думал, что к чему. Просто болела рука, а руги нас догоняли, и я хотел быть готовым к битве...

Барг снова хохотнул, но теперь в его смехе слышалось какое-то сочувствие:

– Не знаю, что там тебе говорили, но, насколько мне известно, некоторые воины – из тех, у которых от рождения нет дара берсерка, – жуют эту гадость, чтоб ввести себя в состояние ярости. Но тут важно знать предел, переступать который нельзя, иначе может помутиться сознание, а затем и вовсе – беспамятство. Впрочем, я также слышал, кое-кто употребляет это именно ради того, чтобы изменить свое сознание. Они верят, что таким образом заглядывают за пределы Мидгарда. Однако это опасно, можно не вернуться назад. Короче говоря, – тут Барг хлопнул Ансгара по колену, – твоё счастье, что ты очнулся. Да и я, по правде говоря, рад. Длинный Меч нам еще пригодится!

Сказав так, Барг подмигнул Ансгару, поднялся и пошел назад к своему костру. После разговора с ним Ансгару стало лучше, но по-настоящему он пришел в себя, когда старший брат предложил ему отведать похлебки, которая как раз сварилась. Поужинав, все стали укладываться спать. Почти тут же раздался мощный двойной храп братьев Лодинна и Раудкара, так что остальным оказалось довольно сложно заснуть. Пару раз Оддвар пихал и того, и другого – это помогало, но ненадолго. Зато когда захрапел сам Оддвар, надежда на благотворный сон окончательно оставила тех, кому не посчастливилось уснуть раньше него.

Среди этих несчастных оказался и Ансгар. Сначала он еще надеялся забыться, но Оддвар прямо-таки грохотал, и скоро Ансгар оставил все попытки заснуть. Волей-неволей он принялся вспоминать события минувшего дня. На ум сразу пришел убитый им руг. Никогда прежде Ансгару не приходилось лишать человека жизни, и вот свершилось. Многие считали, что

именно с этого момента начиналась жизнь настоящего мужчины. Чувствовал ли он теперь себя повзрослевшим? Ничего такого Ансгар не ощущал. Может, должно пройти какое-то время? Или дело в том, что убитый им был не вполне человеком, то есть он был уроженцем не Норд-ланда, а всего лишь Вендланда? Вот если бы он умертвил одного из себе подобных, возможно, тогда бы он по-настоящему понял, что значит – убить человека.

Интересно, задался вдруг вопросом Ансгар, что происходит после смерти с такими людьми, как этот руг? Он погиб в бою, а значит, ему прямой путь в Вальхаллу. Но навряд ли он вообще верил в Вальхаллу. Значит ли это, что теперь его душе предстоит томиться во владениях Хелль?³³ Но ведь и в Хелль руг не верил. Может, он станет другом? Нет, так тоже не могло быть, ведь, если бы все люди, не верившие в асов, становились друзьями, мир был бы переполнен ими.

Хорошо, продолжал размышлять Ансгар, если руг не стал другом и душа его не отправилась ни в Вальхаллу, ни в Хелль, что же с ней стало? А если предположить, что боги вендов тоже существуют? Ну тогда, само собой, это вовсе не боги, а какие-нибудь ётуны. Нет, снова нестыковка. Ведь руг не верил и в ётунов. В кого же тогда он верил? Напрягая все свои извилины, Ансгар пытался найти душе мертвого руга место за пределами Мидгарда.

Наконец в его голове родилась идея. Нордманам известно о существовании девяти миров³⁴, но, кто знает, может, их больше? Если так, то можно предположить, что эти неизвестные миры как раз и населяют боги, которым молятся руги. Интересно, каковы они, эти боги? Могут ли они сравниться по силе с асами или ванами? И откуда они взялись – предвечны ли они, как инеистые великаны³⁵, или ведут род от Бури-прародителя?³⁶ Слишком много вопросов, ответить на которые Ансгар не мог. Наверно, все гораздо проще, и напрасно он огород городил, допустив ошибку в самом начале своих рассуждений. Ведь руги могли молиться тем же богам, что и он, только называли их другими именами.

Когда наутро Ансгар вздумал поделиться с Баргом своими соображениями, тот неожиданно продекларировал:

Глупый не спит
всю ночь напролет
в думах докучных;
утро настанет –
где же усталому
мудро размыслить³⁷.

Ансгар виновато опустил голову, ожидая, что сейчас Барг снова примется подшучивать над ним, но неожиданно все же получил ответ на свой вопрос.

– Все еще проще, – сказал Барг, – я думаю, у того руга, да и у всех людей его племени, просто нет души. И если они и молятся каким-то богам, то это не истинные боги, а вымышленные. Так что напрасно ты не спал целую ночь, думая о такой ерунде.

Ансгар призадумался, ведь о такой возможности, чтобы у человека вовсе не было души, он и помыслить не мог. Но тут же у него возник новый вопрос.

³³ **Хелль** – дочь Локи, владычица загробного мира.

³⁴ Согласно скандинавской мифологии, универс состоял из девяти миров: Мидгард – срединный мир, населенный людьми; Асгард – небесный мир богов-асов; Альвхейм – мир светлых альвов; Ванахейм – западный мир богов-ванов; Ётунхейм – восточный мир великанов-ётунов; Муспелльхейм – южный мир огненных великанов; Нифльхейм – северный мир ледяных великанов; Свартальвхейм – подземный мир темных альвов или гномов; Хельхейм – царство мертвых.

³⁵ **Инеистые великаны** – потомки первого живого существа Имира, жили еще до асов.

³⁶ **Бури** – первочеловек, отец Бёра, дед бога Одина.

³⁷ Отрывок из «Речей Высокого» «Старшей Эдды» (пер. А.И. Корсуна).

– Скажи мне, Барг, – щурия глаза, спросил Ансар, – если ты так презираешь вендов – а ведь ты их презираешь, – то откуда ты знаешь их язык?

– Ха, тут ты меня и вправду подловил, – весело ответил Барг, но тут же в свою очередь сощурился, – а не слишком ли ты любопытен? Будешь много знать, будешь плохо спать! Ладно, расслабься! Ничего особенного в том, что я знаю их язык, нет. Просто лет двадцать назад, когда я был чуть старше, чем ты сейчас, довелось мне вступить в дружину одного храброго конунга, который направил свои корабли в Остервиг. Мы утвердились в Альдейгье – есть там такой город, ближайший к Хольмскому заливу, – и оттуда собирали дань с местных племен. Но года через три они восстали, и нам пришлось уносить ноги. Вот когда я был там, то и нахватался вендских слов. Ну и, кроме того, плавая по Восточному морю, я не раз имел дело с вендами, с теми же ругами, вот и наловчился болтать, как они.

– То есть у нас с ними не всегда так? – удивился Ансар.

– Как так?

– Ну вот как вчера, сразу в драку!

– А-а, – протянул Барг, – да, не всегда мы с ними деремся. Бывает, что и торгуем. Просто бурей нас вынесло на северный берег Рюгена. Там недалеко Аркона, их священный город, а они очень не любят, когда в его окрестностях появляются чужаки вроде нас. Но южнее, в центре Рюгена, есть Ральсвик, большой торговый порт, где, если не бряцать оружием, можно мирно выменять все, что душе угодно.

– И ты бывал в этом Ральсвике?

– Бывал, отчего ж не бывать? Раньше мы с Бальдром как сходим в земли франков, так добытое добро сбывали в Ральсвике, ну, не все, конечно, часть в Бирку³⁸ отвозили, там некоторые вещи можно подороже продать. Тут, к слову, недалеко есть еще два города – Менцлин и Волин³⁹: чтобы туда попасть, надо заходить в лагуну Одера, а нам сейчас не до этого. Но вообще я и там бывал, тоже вел торг. Скоро будем проплывать мимо солеварен, которыми владеют венды, Кольсбег⁴⁰ называется, еще одно торговое место. В общем, хотя мы с вендами и воюем беспрестанно, но и торгуем при случае.

– Как же так, – не унимался Ансар, – мне казалось, ты их так ненавидишь и они ненавидят нас, что у нас ничего, кроме войны, быть не может! А ты, оказывается, с ними, с бездушными, торг ведешь, язык их учишь. Как же так?

– До чего же ты все-таки надоедливый! А знаешь почему? Потому что ты бестолковый и простых вещей понять не можешь! Если я с теми же ругами торгую, то это вовсе не значит, что я с ними должен дружбу водить и за людей считать. Сегодня мне выгодно зайти в Ральсвик с награбленным добром, чтоб сбыть его поскорее, и я так и делаю, а завтра я встречу в открытом море торговый корабль ругов и с удовольствием пушу его на дно. Так же и они с нами. Теперь понятно?!

Ансгару не было понятно, но Барг уже начал раздражаться, так что он почел за лучшее утвердительно кивнуть головой.

– Ну и прекрасно! А теперь иди и займись делом! – Сказав так, Барг напутствовал Ансгара подзатыльником. Странно, но Ансгара это не разозлило. Любому другому он бы не простил такой дерзости. Только отцу было позволено поднимать на него руку, хотя он почти никогда не делал этого, но теперь отца не было, а в Барге он чувствовал что-то такое близкое, едва ли не родное. Да и вообще Барг был прав, пора было собираться в дальнейший путь. Хотя

³⁸ Бирка – древний торговый город в Швеции.

³⁹ Менцлин и Волин – раннесредневековые города на западном и восточном берегах лагуны Одера. Ныне Менцлин – коммуна в Германии, Волин – польский город.

⁴⁰ Ныне польский город Колобжег.

у Ансгара все еще болела рука и не весь вчерашний дурман выветрился из головы, но никто не собирался давать ему никаких поблажек и делать за него его работу.

* * *

После шторма и столкновения с ругами дальнейшее плавание дружины Бальдра продолжалось без происшествий. Днем они плыли, держа сушу в поле зрения, а с наступлением темноты выходили на берег, чтобы подкрепиться и переночевать. Помня о том, что приключилось с ними на Рюгене, викинги старались быть предельно осторожными, обходя стороной встречающиеся на побережье селения, и не стали заходить в Кольсбег. А вскоре береговая линия повернула на север, местное население оказывалось все более пугливым. Завидев драккар, рыбаки прекращали лов и уплывали подальше от чужих глаз, а если укрыться было негде, то и вовсе бросали свои лодчонки на произвол судьбы. Несколько раз таким образом даже удавалось разжиться свежепойманной рыбой. Если их видели с берега, то тоже разбегались кто куда. Бальдра, да и всю его дружину, это вполне устраивало.

Ансгар понемногу втянулся в этот довольно монотонный распорядок – проснуться, перекусить, короткие сборы, потом целый день на веслах и наконец желанный ужин и беспробудный сон, а наутро все сначала. По первости сильно ныли плечи, но скоро он привык и даже находил в гребле какое-то удовольствие, тем более что и раненая рука быстро заживала, шишка совсем рассосалась, и оставался только большущий синяк, который, день ото дня меняя свою окраску, постепенно сходил. От весел кожа на внутренней стороне ладоней сплошь покрылась мозолями, но и в этом Ансгар находил положительную сторону, полагая, что так он становится больше похож на настоящего викинга.

Спустя несколько дней после памятной встречи с ругами, когда Ансгар уже достаточно пришел в себя, во время очередной стоянки к нему подошел Бильд.

– Слушай, Ансгар, – заговорил он, – я очень внимательно наблюдал за тем, как ты бьешься – ну, с тем вендом, – так вот, это было ужасно.

Брови Ансгара поползли вверх от удивления. Но он только успел раскрыть рот, чтобы высказать все свое возмущение, как Бильд опередил его:

– Я не хочу тебя обидеть. Наоборот, говорю это только из желания помочь.

– Да? И чем же ты собираешься мне помочь? – недоверчиво спросил Ансгар.

– Да не обижайся ты! – улыбнувшись, Бильд дружески приобнял его за плечи. – Ты, конечно, одолел его и выручил всех нас. Но скажи, разве сам ты можешь сказать, что дрался хорошо?

– Я его убил! Что еще нужно?

– Э-хе-хе! – сокрушенно покачал головой Бильд. – Хочешь знать, что по этому поводу думаю я?

– Что? – буркнул Ансгар.

– Я думаю, что это не ты победил, это тот венд проиграл.

– Как это?

– Понимаешь, – стал разъяснять Бильд, – он оказался слишком самонадеян, он уверовал в свою победу еще до того, как одержал ее. Он позволил себе драться не в полную силу и был невнимателен. Именно поэтому он пропустил твой удар.

Теперь Ансгар уяснил, о чем ведет речь Бильд, и внимательно слушал, ведь хотя и не хотелось в этом признаваться, но в словах его товарища была изрядная доля правды. Бильд между тем продолжал:

– Ты бился на пределе своих сил. Любая, даже мельчайшая, оплошность с твоей стороны неминуемо привела бы к гибели. В общем, я хочу сказать, что на самом деле тебе просто очень повезло или это боги оказались на твоей стороне, не знаю.

– Хорошо, – согласился Ансар и в свой черед положил руку на плечо Бильду, – пожалуй, я соглашусь с тобой и признаю, что дрался не лучшим образом. Но что из этого? Что тебе с того? Хочешь сказать, что ты бы дрался лучше меня?

Бильд улыбнулся:

– Да, Ансар, я, безусловно, бился бы лучше тебя. Правда, это не значит, что я бы победил. Увидев во мне достойного соперника, венд не позволил бы себе расслабиться и не дал бы так легко себя убить. Но дело не в этом.

– А в чем?

– Я же говорю, хочу тебе помочь! Если тебе это интересно, то я мог бы показать несколько известных мне приемов.

Ансгар пожал плечами, но все-таки призадумался. По правде сказать, после целого дня на веслах ему хотелось поскорее завалиться спать, тем более что он только что поел и уютное чувство полноты в животе не очень-то располагало к лишним движениям. Но, с другой стороны, предложение Бильда было по-настоящему интересным и отказываться от него было ни в коем случае нельзя.

– Спасибо, Бильд! – наконец ответил Ансар. – Я с радостью приму твоё щедрое предложение.

– Отлично! – воскликнул Бильд. – В таком случае предлагаю начать прямо сейчас.

Ансгар сдержанно вздохнул, но делать было нечего – сам согласился! Бильд предложил отойти немного в сторону от лагеря, чтобы не мешать другим спать. Захватив с собой пару щитов и шлемов, они прошли шагов двести и нашли небольшую полянку, по размерам как раз подходящую для учебного боя.

– Смотри, – сказал Бильд, обнажая свое оружие, – мой меч, конечно, не так богато украшен, как твой, но в остальном он мало в чем уступает, так что в этом смысле мы с тобой находимся в равных условиях. Ростом и весом мы также очень похожи. Единственная разница между нами как бойцами заключается в искусстве владения мечом.

Ансгар хмыкнул. Видя его недоверие, Бильд предложил, прежде чем он начнет раскрывать свои боевые секреты, скрестить мечи, дабы Ансар имел возможность убедиться в превосходстве учителя над учеником. Ансар нехотя нахлобучил шлем – тот самый, в котором он бился с ругом, – затем, не обращая внимания на неприятные ощущения, взял в левую руку щит и изготовился к бою. Бильд, тоже в шлеме и со щитом, стоял напротив.

– Ну что, начнем? – спросил он.

Ансгар кивнул и приготовился отражать его удары, потому как справедливо полагал, что именно Бильд, раз уж он вздумал демонстрировать свое мастерство, должен нападать. И Бильд не замедлил атаковать. Вращая меч в своей руке, он твердым шагом двинулся навстречу Ансару, а тот никак не мог уследить за этим вращением. Меч выписывал в воздухе замысловатые фигуры, которые хотя и чередовались, но без какого-либо порядка, так что невозможно было предугадать, в каком положении клинок окажется в следующее мгновение. Невольно Ансар отступил на пару шагов назад, но Бильд продолжал приближаться, все так же вращая меч, словно пытаясь загипнотизировать Ансара. Вдруг рука его взметнулась вверх, вертикальное вращение сменилось горизонтальным, и в тот же миг меч Бильда врезался в гребень на шлеме Ансара. Мощным ударом шлем сорвало с головы и отбросило в сторону. Ошеломленный, Ансар отскочил в сторону, но Бильд не преследовал его. Он стоял, довольный произведенным впечатлением, и широко улыбался.

– Ну что, попробуем еще раз? Только шлем надень.

Ансгар снова изготовился к бою. На этот раз он решил сам атаковать и бросился на Бильда, рассчитывая взять верх за счет безудержного натиска. Бильд принял несколько ударов на щит и шагнул назад. Воодушевленный, Ансар усилил давление: прыгнув вперед, он с силой толкнул Бильда щитом, а затем попытался повторить свой удар, принеся ему победу над

ругом. Но, когда он, упав на колено, выставил на вытянутой руке меч, обозначая удар в живот, Бильд, вместо того чтобы отбить этот выпад, просто увернулся, с каким-то даже изяществом шагнул в сторону и оказавшись справа от Ансгара. Пока Ансар пытался вскочить на ноги, Бильд перешел в наступление. Не успев толком к нему развернуться, Ансар попытался отразить удар мечом. Скрестились клинки, сцепились гарды, и в следующий миг франкский меч отлетел далеко в сторону – Бильд просто вырвал его из руки Ансгара, и теперь тот стоял безоружным.

– Ну как? Теперь ты веришь, что у меня есть чему поучиться? – снова широко улыбнувшись, спросил Бильд.

– Да, – кивнул Ансар. Как ни досадно, но он должен был признать, что Бильд действительно оказался лучше него во владении мечом, и притом намного. Смирив свой гонор, он спросил: – Где ты научился этому?

– Меня обучал мой отец, а его обучал мой дед. Оба были викингами и совершили множество походов в разные страны.

– А где они теперь? – заинтересовался Ансар.

По лицу Бильда пробежала тень, и уже без прежнего веселья в голосе он ответил:

– Они исчезли.

– Как исчезли? – не понял Ансар.

– Сначала, когда я был еще совсем ребенком, дед ушел в очередной поход и не вернулся. Затем, лет семь назад, таким же образом пропал мой отец. Он все время мечтал разыскать деда и каждую весну прибывался то к одной, к другой дружине и уходил в поход. И вот в конце концов исчез и он. Я в тот год, хотя и был еще очень юн, собирался идти с ним, но незадолго до того когда он обучал меня очередному приему, то нечаянно ранил в плечо. Мне пришлось остаться дома. Сейчас мне начинает казаться, что он сделал это нарочно – не хотел брать меня с собой, боялся, наверное, за меня.

– И поэтому ранил? – удивился Ансар.

– Он сделал это очень осторожно, – с кривой усмешкой сказал Бильд, – так, чтобы ничто не угрожало моему здоровью, но и в поход мне идти было нельзя.

Ансгару стало как-то неловко, но любопытство не позволило закончить на этом разговор. Он спросил:

– А где именно исчезли твой дед и твой отец?

– В Остерланде, – отвечал Бильд, – именно поэтому, едва слышав о предприятии Бальдра, я сразу же решил принять в нем участие. Настала моя очередь искать. – И он снова улыбнулся.

«Надо же, – мелькнуло в голове Ансгара, – он ищет своих родичей. А что я? Куда и зачем я плыву? Бегу от мертвого отца?» Но Бильд не дал ему погрузиться в раздумья.

– Ну что ж. Теперь, пожалуй, я мог бы кое-чему тебя научить, – сказал он.

Однако едва Бильд принялся объяснять Ансгару, как именно нужно работать кистью, чтобы вращать меч и при этом не уронить его, а в то же время иметь возможность в любой момент перевести это вращение в разящий удар, как их прервали. На поляну один за другим вышли Агнар, Ормар и Барг.

– Что вы тут делаете? Почему не в лагере? – накинулся на них Ормар. Он был явно чем-то недоволен.

– Да ничего особенного, – спокойно ответил Бильд, – просто хотели немного размяться.

– Раз-мять-ся?! – вытаращил глаза Ормар. – Да в своем ли вы уме? Вы покинули лагерь, никого не предупредив, и принялись тут лязгать оружием, так чтобы вся округа знала, где именно стал на ночевку наш хирд!

– Ладно тебе, – попытался успокоить его Ансар, – ничего же такого не случилось.

– Ничего не случилось, – передразнил его Ормар, – да если Бальдр узнает...

– Бальдр ничего не узнает, – вмешался Барг, – незачем его расстраивать. Но в общем Ормар прав. Вот из-за таких балбесов, как вы, порой и гибнут целые дружины. На первый раз я вас прощаю – вы едва вылезли из лесу и могли не знать очевидных вещей. Поэтому накажу вас несильно, будете завтра сменяться на веслах в два раза реже. Но на будущее я подобных проступков не потерплю. Это понятно?

– Понятно, – согласно кивнули Бильд с Ансаром.

– Да, и в ваших же интересах, чтобы об этом никто, кроме нас, не узнал. Дойдет до ушей Бальдра – он не будет столь добр, как я. А теперь все в лагерь!

* * *

На следующее утро, когда викинги погрузились на драккар и отплыли, Ансар, ворочая веслом, обратил внимание на то, как Бальдр постоянно всматривается в полоску берега, будто что-то выискивает, и тоже стал посматривать в ту сторону. Наконец показались лодки рыбаков, которые, как обычно, едва завидев драккар, дали деру в прибрежные заросли. Бальдр довольно хмыкнул и, поднявшись на нос корабля, обратился к своей дружине:

– Слушай меня, мой хирд! – Гребцы враз подняли весла и уставились на своего хёвдинга. – Ведомо вам, как тяжело началось наше плавание, ибо на своей шкуре испытали переменчивость моря. Но, убедившись в нашей доблести, Ньёрд⁴¹ смилостивился, и уже несколько дней погода благоволит нам. Предатели-свеи и дикари-руги остались позади. Теперь мы идем вдоль берегов, населенных трусливыми овцами. И хотя, как мне думалось, целого дня на веслах для большей части из вас, непривычных к такому труду лесных жителей, будет достаточно, чтобы, выйдя на берег, желать только двух вещей – пожрать и поспать, – однако до меня дошли слухи, что кое-кому из вас стало скучно и, чтобы как-то развеять эту скуку, вздумалось попрактиковаться в воинском искусстве. Я же всегда знал, что единственным учителем нордмана, желающего стать настоящим викингом, может быть только враг! Лишь в драке с настоящим противником викинги действительно чему-то учатся. Будешь плохим учеником – погибнешь в первой же стычке, и слава Одину и его валькириям – таких лопухов мне в моей дружине не надо! Будешь хорошим учеником – сам убьешь сотню своих врагов. Поэтому вот что я решил: чтобы вы не кисли со скуки, чтобы те из вас, кто впервые покинул берега Нордланда, поняли, куда мы идем и чем будем заниматься, чтобы пополнить наши припасы, да и чтобы самому мне как следует размяться, сегодня же, сейчас, мы выйдем на берег, найдем ближайшее поселение и спалим его дотла!

Хирдманы, дружно вскинув руки, проорали:

– Слава Бальдру!

Из рядов дренгов тоже раздались, хотя и нестройные, радостные возгласы. Многим пришлось по душе затея Бальдра. Только Барг покачал головой, ему, хотя он и был правой рукой Бальдра, задумка вождя, кажется, пришлось не по душе. Ансар не знал, что и думать. Кругом все, и среди них его старший брат, весело скалили зубы и, похватав оружие, потрясали и размахивали им. И Ансару тоже хотелось присоединиться к этому ликованию, но он хорошо помнил, что согласился идти за море на службу к конунгу Остерланда, а вовсе не для того, чтобы грабить по пути мирные поселения. К тому же Ансар видел неудовольствие на лице Барга, а мнение Барга для него в последние дни стало очень много значить.

– Наконец-то! – ткнул брата в плечо кулаком Агнар. – Стоящее дело!

– Точно! – громыхал рядом Оддвар. – Надоело уже махать веслом, пора и за копье взяться!

⁴¹ Ньёрд – бог мореплавателей, а также бог богатства.

– А ты почему не рад? – спросил Ансгара Ульвар. – Забыл? Ты же наш Длинный Меч! Покажешь себя в настоящем бою!

Что и говорить! Бой – единственно достойное испытание для мужчины и надежный путь к славе. Или к смерти! Ансгар вынул из ножен свой меч и, любуясь, как клинок блестит на солнце, серьезным голосом произнес:

– Змея росы смерти!⁴²

– Ха-ха-ха! – загоготали вокруг. – Вы это слышали?! Не иначе как Ансгар испил меда поэзии!⁴³

– Ну, брат, скажешь тоже!

Ансгар немного смутился, но серьезно ответил:

– Шутки шутками, а скоро нам предстоит окровавить оружие.

– Ну да, – согласился Ивар, – а может, прольется и наша кровь.

Окружающие притихли, но тут же раздался бас Оддвара:

– Э, нет! Не бывать этому! Трусливым рыбакам не совладать с могучими воинами, вроде нас.

– А, кстати, что это за рыбаки, к какому народу они принадлежат? – поинтересовался Брунольв.

– Курши. Здесь живут курши, – ответил услышавший его вопрос Барг.

– Ну, значит, пустим кровь этим куршам! – уверенно пророкотал Оддвар.

Снова раздался смех, но тут же его перекрыл громкий голос Бальдра:

– Ну хватит! Поржали, и ладно. Теперь за дело.

Драккар пристал к берегу, и викинги попрыгали за борт. Один десяток Бальдр оставил охранять корабль, а остальную дружину повел в глубь леса, начинавшегося всего в десяти шагах от воды. Вперед были посланы разведчики во главе с Геслингом. Оставшиеся сорок человек под началом самого Бальдра медленно продвигались вперед. Дренги валили нестройной толпой и возбужденно переговаривались, чем очень скоро вывели Бальдра из себя. Шепотом, больше похожим на хриплый крик, он принялся наводить порядок:

– А ну, закрыли свои поганые пасти! Чтобы я не слышал ни одного звука! Если какой-нибудь щенок своим лаем выдаст нас, клянусь рогом Хеймдалля⁴⁴, я сам снесу ему голову!

Дренги притихли. Но тут братья Лодинн и Раудкар, всегда ходившие едва ли не рука в руке, одновременно споткнулись и рухнули на покрытую прошлогодней листвой землю. Глухо стукнули о землю выпавшие из рук молоты, покатались, слетев с головы, шлем Лодинна. Все обернулись в их сторону. Бальдр уже готов был броситься на них, но тут к ним подлетел Барг с лицом, перекошенным от злобы:

– Болваны! Вам только коз доить, а не в походы ходить. Ну чего стали, – обратился он к остальным, – пошли. И за оружием следите, чтоб не звенело!

Оба брата тем временем с багровыми лицами поднялись на ноги и, кажется, хотели что-то ответить Баргу, но к ним вовремя подоспел Ульвар и, подавая Лодинну оброненный шлем, тихо, но строго проговорил:

– Спокойно, парни! Сейчас не время.

– Ладно уж, – пробурчал Лодинн, и Раудкар тоже согласно кивнул.

Вскоре из чащи показался длинный приплюснутый, как у гуся, нос Геслинга, а затем вынырнул и он сам со своими разведчиками. Выяснилось, что совсем близко, как и предполагал Бальдр, есть небольшое поселение. Но это поселение укреплено частоколом, а кроме того, судя

⁴² Двойной кеннинг, обозначающий меч. Роса смерти – кровь, змея крови – меч. (Кеннинг – разновидность метафоры, характерная для скальдической поэзии.)

⁴³ Мед поэзии – в скандинавской мифологии напиток, наделяющий того, кто его отведал, поэтическим даром.

⁴⁴ Хеймдалль – страж богов, в скандинавской мифологии считался отцом людей. Перед гибелью богов должен протрубить в рог Гьяллархорн.

по всему, местным уже стало известно об их появлении и теперь поселяне готовятся к обороне. Бальдр выругался и принялся озиаться по сторонам, явно выбирая себе жертву, на которой он мог бы сорвать свой гнев, но рядом с ним стоял Барг, который тихо (однако Ансар все равно услышал) сказал:

– А чего ты хотел? Нельзя было давать уйти тем рыбакам. Конечно, они предупредили.

– Чтоб их дружки сожрали! – прохрипел Бальдр и уже громче, так, чтобы его все слышали: – Итак, парни, нас уже ждут! Так что теперь скрываться нечего, теперь наша задача – как можно быстрее добраться до места, глядишь, они не успеют как следует изготавиться. Ну что стали?! Бегом, за мной!

Ансар всегда хорошо бегал, во всяком случае, быстрее брата и всех своих друзей. Отец частенько говорил, что легкие ноги достались ему от деда Агвида. Теперь Ансар решил проверить свою способность. Он нарочно немного замешкался, пропуская вперед остальных, а затем побежал сам. Как славно оказалось после многодневного сидения на драккаре снова бежать по лесу среди деревьев, перепрыгивая через завалившиеся стволы, продираясь через кусты, ломая ногами мелкие ветки! Легко, словно играючи, он обгонял одного викинга за другим. Наконец впереди оказались только Бальдр с Геслингом и Барг. Немного поднажав, он обошел Барга и собирался теперь обогнать самого Бальдра, но внезапно кто-то сзади с силой дернул его за пояс. Ансар обернулся. Это был Барг.

– Не смей! – прорычал он. – Хёвдинг должен быть впереди!

Ансар понятиво кивнул и сбавил ход, пропустив вперед Барга. Он и так был доволен, убедившись, что и в новой компании ему не оказалось равных в беге. Вдруг вся дружина с ходу вылетела на обширную поляну и, вслед за Бальдром, остановилась. Посреди поляны, на небольшом всхолмий, стояло маленькое поселение, окруженное, как и говорил Геслинг, частоколом. За частоколом мелькали чьи-то белобрысые головы. Бальдр принялся раздавать указания:

– Действуем быстро! Наверняка они послали за подмогой и скоро сюда сбегутся со всей округи. Как только сделаем пролом – врываемся внутрь, там нам уже вряд ли окажут серьезное сопротивление. Пленных не брать! Всех мужиков убивать без разбора, если вдруг увидите оружие в руках у бабы – тоже не жалейте. Геслинг, Оддгейр, Игуль – готовьте веревки! Ну а теперь щиты на изготовку – и вперед! И помните, Один уже ждет нас!

Он выхватил из ножен свой меч и крупным шагом, постепенно переходя на бег, устремился к поселению. За ним неплотным строем двинулись остальные. Впереди хирдманы и те из дренгов, у кого были щиты, прочие – вслед за ними. Из-за частокола полетели редкие стрелы, но большинство или не долетали, или проходили мимо, а если и попадали в цель, то застревали в щитах. Но чем ближе викинги подходили к поселению, тем чаще оттуда летели стрелы, и вот некоторые из них стали находить своих жертв. Ни одна не смогла забрать жизнь, однако пятеро были серьезно ранены, еще несколькими оцарапало плечи. Это, конечно, не остановило Бальдра и его дружину, и скоро викинги оказались всего в пятнадцати шагах от частокола. Ивар и еще человек семь, имевших луки, прикрытые щитами товарищей, принялись пускать стрелы в осажденных, не давая им возможности высунуться из-за частокола. Тем временем Геслинг, Оддгейр и Игуль метнули веревки. Петли захлестнулись на вершинах кольев. Тут же за веревки ухватилось множество рук. Бальдр как в воду глядел – курши не укрепили как следует колья.

– Тяни! Тяни! Тяни! – командовал Барг, и викинги дружно в такт дергали за веревки. Колья стали крениться. Видя опасность, курши принялись рубить веревки, но было уже поздно: один кол уже почти лежал на земле, другие сильно наклонились и в частоколе образовался просвет, в который тут же бросился Бальдр. Вслед за ним со своей любимой секирой наперевес устремился Барг. Ансар видел, как в проломе завязалась схватка. Бальдр и Барг прорвались внутрь, и тут же за их спинами появились несколько местных, выставивших навстречу штурмующим копь. Бальдр и Барг оказались отрезаны от остальных, но, видимо, это как раз и подстегнуло верных хирдманов сына Торвальда. Оддгейр метнул свое копь, и один из куршей,

преграждавших викингам путь, упал, пронзенный насквозь. Геслинг и Игуль кинулись топорами ломать вражеские копья, а поверх их голов Ивар и другие лучники пускали одну за другой стрелы. Наконец пролом был расчищен и глазам Ансгара, который все никак не мог протиснуться вперед и сам вступить в бой, предстало удивительное зрелище. Бальдр и Барг были все еще живы и сражались! Прикрывая друг другу спину, они яростно бросались на врагов. Секира Барга крушила все, что попадало под его горячую руку, и один за другим его противники падали – кто с проломленным черепом, кто с разрубленным плечом, кто с рассеченной грудью. Бальдр, с каким-то озверевшим лицом, с выпученным, будто ослепшим единственным глазом, не иначе впал в то самое состояние, о котором Ансгар до сих пор только слышал: берсерк! Он крутился словно волчок, и несчастные рыбаки, вздумавшие оградить родной очаг от безжалостных находников, гибли под ударами его меча.

Всю эту картину Ансгар мог наблюдать только одно кратчайшее мгновение – в пролом устремились викинги, и сам Ансгар в их числе. Вперед него влез Оддвар, и из-за его широченной спины невозможно было разобраться, что же происходит впереди. Сзади Ансгара со всей силы пихали в спину, и сам он толкал Оддвара. Все это давление было направлено вперед – туда, где сражались Бальдр и Барг. В толчее единственной заботой Ансгара было случайно не пырнуть своим мечом Оддвара. Какое-то время не удавалось продвинуться ни туда, ни сюда. Очевидно, на место павших защитников стали другие, и пролом снова оказался закрыт. Но вот спина Оддвара, в которую Ансгар со всей силы давил свободной левой рукой, подалась вперед. Толпа викингов повалила в пролом, где ее уже, судя по всему, ничего не сдерживало.

Когда Ансгар наконец оказался внутри ограды, все было кончено. Большинство защищавшихся пало, тела их лежали вокруг Бальдра и Барга. Раненые отползали в разные стороны, но их безжалостно добивали хирдманы. По указанию Барга викинги бросились обыскивать все дома и постройки. Ансгар, не видевший прежде такого разора, немного растерялся. Он стоял и смотрел, как на небольшую площадь посреди поселения сгоняли женщин и детей, а стариков, едва выволовив на свет, рубили на месте. Дренги тащили мешки с какой-то снедью, гнали жалобно мычавшую, блеющую и хрюкающую животину. Среди всего этого разгрома бродил Бальдр, понемногу отходя от овладевшего им приступа ярости. Его красный глаз бессмысленно блуждал вокруг, как будто что-то искал, но не находил, в руке он по-прежнему держал меч, с которого медленно капала загустевающая кровь. Вдруг его единственное око уставилось на растрепанную девушку, рыдающую на плече женщины постарше. Глядя на нее, Бальдр хищно ощерился. Не отрывая взора, он нагнулся, вытер клинок об одежду убитого курша и сунул меч в ножны. Девушка заметила его взгляд и испуганно притихла, но едва Бальдр к ней прикоснулся, истошно завопила. Бальдр наотмашь ударил ее ладонью по лицу и потащил в сторону от толпы пленных, а она, захлебываясь слезами и кровью из разбитых губ, продолжала кричать. Женщина, бывшая с девушкой, попыталась прийти ей на помощь, но получила кулаком в живот и осела.

Ансгар понял, что происходит, только когда увидел оголенные ноги несчастной жертвы Бальдра. Хирдманы посмеивались, отпускали грязные шутки, дренги, занятые работой, бросали завистливые взгляды в ту сторону, где Бальдр подмял под себя иноплеменницу. Она уже не кричала, только всхлипывала и глухо постанывала. Такого безобразия Ансгар прежде не видывал. Не дело так девку срамить, подумал он, но в этот самый миг чья-то тяжелая рука легла ему на плечо.

– Чего рот раззявил?! – проорал ему в ухо Барг. – Никогда случку не видел? А ну, хватай мешок и неси!

Ансгар схватил первый попавшийся мешок, взвалил его на спину и присоединился к прочим дренгам, которые, нагрузившись награбленным добром, выбирались за ограду. Тем временем хирдманы под неумолчный вой пленной толпы поджигали хижину, и клубы черного дыма поднимались все выше. В суматохе Ансгар не уследил, что стало с той девушкой. Во

всяком случае, было решено оставить выживших поселян на пепелище. Скоро хирд Бальдра двинулся в обратный путь. Кажется, сын Торвальда был доволен – Ансгар заметил на его губах гнусную ухмылку.

Несмотря на строгие замечания Барга, по дороге к драккару дренги безумолчно галдели. Никто из десятка Ормара не был ранен и потому гудел громче остальных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.